

Оксана Панкеева

Поспорить с судьбой

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Оксана Петровна Панкеева
Поспорить с судьбой
Серия «Хроники странного
королевства», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120644

Поспорить с судьбой: АРМАДА; М.; 2004

ISBN ISBN 5-93556-418-1

Аннотация

Дать честное королевское слово легче легкого, а вот жениться за три месяца, да еще так, чтобы потом не жалеть всю оставшуюся жизнь, – это уже сложнее...

Хуже опрометчивых обещаний, пожалуй, только непрошенные провидцы, которых так и тянет испортить предстоящую свадьбу печальными пророчествами о грядущей трагедии. Но что делать? Отказаться от слова чести невозможно, а вот поспорить с судьбой можно и попытаться.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	21
Глава 2	64
Глава 3	91
Глава 4	124
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Оксана Панкеева

Поспорить с судьбой

ПРОЛОГ

Четыре всадника неспешной рысью двигались на восток. Солнце взобралось уже высоко, но на открытой всем ветрам дороге было прохладно. Весна наступила совсем недавно, и хотя в Ортане крепких морозов не случалось даже зимой, привыкшим к теплу мистралийцам было зябко.

Путь от Мистралии до Голдианы через Ортан было вдвое длиннее, чем напрямик, но охочих пересечь Белую пустыню находилось мало. Не относились к ним и четверо путников. Поэтому на погоду никто не жаловался, даже избалованный нытик Ромеро. И правильно делал, иначе немедленно услышал бы весьма нелюбезное предложение заткнуться. Такой совет он уже получил сегодня утром, когда попытался отчитать Кантора за опоздание и явственный запах перегара. А поскольку товарищ Ромеро на собственной шкуре убедился, что заводить с Кантором опасно для здоровья, больше рта он не раскрывал.

Заткнуть рот Ромеро не было для Кантора проблемой. Но

он отлично понимал, что рано или поздно вопрос: «Где ты был?» прозвучит от других спутников, которых такой ответ не удовлетворит. Либо его задаст Эспада, которого Кантор слишком уважал, чтобы грубить ему, либо Торо, который командовал группой и, следовательно, имел право требовать объяснений от подчиненных. А ведь кто-то из них все равно поинтересуется, где изволил пребывать их дорогой товарищ, почему напился на задании и откуда у него появился синяк? Как же им все это объяснить, чтобы и кратко, и правдоподобно, и без лишних деталей?...

Кантор автоматически потянулся потереть серьгу, как обычно делал это в задумчивости, и тут же резко напомнило о себе сломанное ребро. Мистралиец поморщился и осторожно опустил руку, надеясь, что никто не заметил. Действие обезболивающего заклинания закончилось, а последствия вчерашнего вечера еще долго будут отзываться болью в боку. И как его угораздило ввязаться в эту авантюру?

Впрочем, все началось не вчера. Раньше. Очень давно... Когда-то хмурого неприветливого Кантора звали по-другому. И был он жизнерадостным беззаботным шалопаем, более всего ценившим в этой жизни музыку и женщин. Его имя до сих пор помнили во всех странах континента, а волшебный голос и сейчас звучал со старых музыкальных кристаллов. Только теперь маэстро Эль Драко официально считался мертвым.

Очень долго талантливому барду улыбалось счастье, но

однажды судьба вильнула хвостом... Впрочем, чего на нее пенять? Если честно и беспристрастно вспомнить все злоключения, то станет ясно, что это прямо-таки история дурацких и фатальных ошибок самого Эль Драко. Думать надо было, прежде чем на родину возвращаться! Вспомнить для начала, почему оттуда в свое время пришлось бежать. Понять, что государственные перевороты мало чем отличаются один от другого. И совсем уж глупо было надеяться на то, что новая власть окажется лучше прежней. К сожалению, эта мудрая мысль посетила неосмотрительного барда, как и все другие толковые мысли, с большим запозданием – только в бараке исправительного лагеря.

Неплохо было бы последовать совету старшего товарища, который после побега велел оставаться в потайном убежище вместе с остальной группой нелегальных эмигрантов и ждать корабля. Не усидел. На подвиги потянуло. Как же – столица рядом, а там девушка красоты невиданной, любовь безумная, страсть неудержимая... Не мешало бы тогда быть скромнее, товарищ Эль Драко, и не воображать, будто прекрасная дама эти несколько лун только и делает, что ждет бывшего любовника, до сих пор в нем нуждаясь. Особенно учитывая тот факт, что раньше воздыхатель был богат и знаменит, а теперь – обычный беглый преступник. Если бы девушка просто не пустила его на порог, бард бы еще это понял, но встретить радостно, обласкать, напоить только для того, чтобы потом сдать ближайшему полицейскому? Это,

знаете ли...

Несколько недель, проведенных в стенах следственной тюрьмы Кастель Милагро, Эль Драко очень не любил вспоминать. Однако события тех дней, загнанные в самые дальние уголки памяти, до сих пор возвращаются ночными кошмарами.

Обстоятельства своего спасения и последующие две луны бард, напротив, очень хотел бы вспомнить, но не мог. Друг и наставник Амарго (который, несомненно, все точно знал, но предпочитал помалкивать) уверял, что не стоит и пытаться. «Раз уж ты, бедный малыш, сошел с ума, то, как ни пытайся, все, что вспомнишь, на поверку окажется либо бредом, либо галлюцинацией тех дней»... Ох, как бы хотелось Эль Драко разобраться, что же было на самом деле, а что являлось «ложными воспоминаниями»! Не мог он заставить себя поверить в нереальность того, что отлично помнил, хотя все это и противоречило здравому смыслу.

Например, момент, когда ему отрезали руку, впечатался в память намертво, вопреки тому, что здравый смысл ясно свидетельствовал – обе руки на месте. Хотелось бы выяснить и суть загадочных изменений, произошедших с лицом. Ведь даже тот наивный бард, которым он был когда-то, прекрасно понимал простую вещь – если человека долго бить разнообразными предметами, а потом приложить щекой к раскаленной жаровне, то даже после длительного и квалифицированного лечения от этого несчастного будут шархаться на

улице. После спасения из подвалов Кагель Милагро, лежа в палате, Эль Драко и ожидал чего-то подобного, поскольку на просьбу принести зеркало всякий раз получал уклончивый, но упорный отказ. Но когда зеркало в конце концов принесли...

Это был совершенно здоровый, довольно симпатичный, но совсем другой человек. Нет, незнакомым его нельзя было назвать – отражение напоминало Эль Драко родного отца. Но прежде молодой бард не был похож на отца... во всяком случае настолько сильно. Кроме того, эта трехдневная щетина, которая покрывала его лицо только с одной стороны. Никаких объяснений столь непостижимого феномена пострадавший так и не получил.

Впрочем, перемена внешности оказалась просто мелочью по сравнению со всем остальным. Потеряв Огонь и сорвав голос, он навсегда перестал быть бардом, и когда это понял, повеситься захотелось сразу же. К счастью, в тот момент Эль Драко был не один и воплотить свои намерения в жизнь не было возможности.

А потом отчаяние отступило. Разве друзья существуют не для того, чтобы соваться с идиотскими сочувствиями и вызывать гнев – лучшее лекарство от отчаяния?... Лишившись талантов, Эль Драко вспомнил, что когда-то учился стрелять, и это у него неплохо получалось. Что, как всякий мистралийский мужчина, он с детства обучен драться на ножах. Что когда-то, просто ради развлечения, научился ме-

тать дровотики... Все эти полезные умения удачно совпадали с желанием бывшего барда хоть кому-нибудь отомстить за свою погубленную жизнь.

Вот так и получилось... Старый друг отца, товарищ Амарго, натаскал нового бойца, доведя мастерство стрелка и метателя Эль Драко до профессионального уровня. Другой товарищ – бывший ученик знаменитого барда, который каким-то образом умудрился пробиться в большую политику и возглавлял теперь влиятельную и многочисленную партию, – сочинил душещипательную легенду о трагической гибели наставника. Эльфийская краска тщательно подобранного смугло-бронзового оттенка скрыла татуировку, лишив «погибшего» остававшейся на тот момент единственной особенной приметы. Классовую прическу состригли еще в лагере, и, когда волосы отрасли, их оставалось только зачесать назад и собрать в пучок, как подобает воину, забыв навсегда о челке, которую носят барды.

Не стало веселого барда Диего дель Кагельмарра по прозвищу Эль Драко. Зато возник из ниоткуда мрачный товарищ Кантор. Отважный воин. Меткий стрелок. Хладнокровный убийца. Убежденный женоненавистник. И таким он оставался долго. Столь же долго, сколько не мог понять, почему его новая личность так ужасает тех, кто знал его раньше.

Впрочем, может быть, все началось прошлой осенью, когда Кантор получил задание разыскать похищенную партий-

ную кассу и убить виновницу – могущественную ведьму. Тогда (чего прежде с профессионалом Кантором не случилось) он странным образом сдружился с напарницей, непримиримой мужененавистницей. И как раз на этом задании едва не погиб... или чуть не сошел с ума, теперь трудно судить. Ведь именно тогда, блуждая в Лабиринте и присоединясь к группе покойников, он и оказался втянут в непонятный обряд. Какой-то недоучившийся некромант нагло женил его на совершенно незнакомой девице, пока повстанец хлопал ушами, пытаясь понять, что с ним вообще происходит. Сейчас об этом и вспомнить смешно, а тогда почему-то его такое зло взяло... Может, и не стоило убивать этого придурка. Девчонку перепугал, чуть не сбежала, бросив новоиспеченного «супруга» бродить по Лабиринту. Догнать «невесту» все-таки удалось, и выход она показала, а что касается невезучего мага – сам виноват. Нечего на людей порчу наводить.

Да, наверное, началось все еще тогда. Но в полной мере развернулось только недели три назад. Когда Кантор встретил ту самую девушку в реальности и узнал, что стал ее проклятием. Вот уж повезло бедняжке... Такая славная девчонка, простая, открытая и до того непохожая на других, что несокрушимый Кантор сам не заметил, как «супруга» завладела его сердцем. То ли проклятие предполагало какую-то взаимность, то ли просто так сложилось, но в Канторе стал просыпаться Эль Драко. В лучшие времена любвеобильному барду нравилось все необычное и экзотическое, а что может

быть необычнее, чем человек из другого мира? И блондинки ему всегда были по душе, хотя весь континент и потешается над странной приверженностью мистралийцев именно к белокурым женщинам...

Разумеется, Кантор не торопился признаваться девушке, что он и есть ее потусторонний «супруг». В Лабиринте среди мертвецов он виделся перепуганной «невесте» изуродованным арестантом Кастель Милагро. Поэтому мистралиец не боялся, что Ольга узнает его. Придумал на ходу сказку о том, что проклятие не опасно, и тем ограничился. Хочет считать милая Ольга, что темная магия связала ее с мертвым бардом, пусть себе думает. Незачем знать, во что теперь превратился некогда славный юноша...

Кантор тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Шляпа немедленно сползла на глаза, а едва он поднял руку, чтобы ее поправить, сломанное ребро опять заныло. Надо же было ввязаться в чужие разборки!.. Верно заметил когда-то Казак: «До чего только не доводят мужчин шальные красотки...» Ох, уважаемый мэтр, надавать бы тебе по шее за твои художества, ведь из-за тебя все и случилось! Из-за твоих самодельных заклинаний! Если уж тебе приспичило бороться за честность игорного бизнеса, набил бы морду крупье, зачем же было на всех присутствующих заклятие накладывать? Если другие посетители просто почудили, поскандалили, подрались... то товарищ Кантор полностью рехнулся! По полной программе! Пошел в гости слушать музы-

ку, а в результате напился, как последняя скотина, соблазнил порядочную девушку, получил в ухо от первого палатина Элмара (хорошо еще, что сотрясением мозга отделался), пообщался с мертвым мистиком, и в довершение всего с ужасом осознал, что влюбился по уши! Не говоря уж о том, что довелось ему выслушать от вредной целительницы, от товарища Амарго, и от собственного внутреннего голоса. Как раз тогда он и появился, этот ехидный и бесстыжий голос, который Кантор до сих пор считал признаком раздвоения личности и с которым постоянно ссорился. К счастью, сейчас голос молчал. Но зато началось то, чего Кантор так надеялся избежать.

Едва в поле зрения показался первый трактир, товарищу Торо немедленно приспичило перекусить. Торо готов был есть в любой момент в любом месте. А поскольку он был старшим в группе, оспаривать распоряжения никто не стал. И, разумеется, едва они разместились за столом в ожидании «легкого завтрака», опоздавшему товарищу Кантору было предложено объяснить, где он шляется, почему явился на два часа позже положенного времени, кто разукрасил ему физиономию, сколько он вчера выхлестал и помнит ли вообще, зачем здесь находится?

– Помню, – неохотно проворчал Кантор. Ответы на остальные вопросы можно было придумать, обычно он сочинял такие высокохудожественные объяснения, что его просили заткнуться уже на шестой минуте. Сегодня же вдохно-

вание отсутствовало. Наверное, по причине дрянного самочувствия.

– Ну-ну, – поощрительно кивнул любознательный Торо. – Дальше?

Кантор тоскливо посмотрел на пустой стол. Чего ему действительно хотелось, так это спать, а вовсе не отвечать на глупые вопросы. Сказать им, что посетил столичный бордель? Может, посмеются да отстанут?

«Правду скажи», – возник вдруг внутренний голос. Советы у этого паршивца, один лучше другого... Кантор припомнил ту самую правду, которую ему рекомендовали рассказать, и с интересом хмыкнул. Правда... А что, это может сработать.

– Ну... – начал он, неторопливо, как подобает уважающему себя сказителю. – Я направился в гости к одной даме... очень хорошо знакомой даме, если вы понимаете, о чем я...

– К доктору Кинг? – встрепенулся Эспада. – Ты заболел так сильно, что пошел сдаваться врачу?

– Тьфу на тебя! – обиделся Кантор. – Доктор что, единственная дама в столице? Придурки! Для тупых поясняю грубо и понятно: пошел на свидание к любовнице!

Честно говоря, он надеялся, что все на этом месте расхохочутся и дальше допытываться не станут. Но Ромеро не рискнул даже хихикнуть, не понаслышке зная, какая тяжелая рука у товарища Кантора. Эспада тоже промолчал, не желая нарываться на повторное обвинение в тупости. А невоз-

мутимый Торо благосклонно кивнул, словно король придворному барду:

– Продолжай.

– Прихожу я в гости к своей милой даме, – послушно продолжил Кантор. – А вместо нее меня встретил принц-бастард Элмар, первый паладин короны, и пригласил на ужин во дворец.

На этот раз Ромеро не сдержал ухмылку, а на суровом лице Эспады отразилось нечто вроде обиды истинного ценителя, которому подсовывают дешевку.

– Угу, – снова кивнул товарищ Торо. – А по какому поводу?

– Понимаете, моя девушка, оказывается, попала в число ежегодных жертв дракону, и на момент моего визита ее уже увезли. А поскольку в Ортане есть традиция устраивать для родственников поминки во дворце за счет короны, то пригласили и меня. Девушка эта переселенка, и никаких других родственников у нее нет. На ужине случилась небольшая потасовка. Вы, может, слышали, что в Ортане отбором жертв занимается специальная комиссия?... – Кантор оглядел слушателей, но никто уже не хихикал и не пытался перебить, все внимали с должным интересом. – Так вот, эти сволочи ухитрились принять какой-то закон, по которому им никто ничего сделать не может, и без зазрения совести пользовались возможностью отбирать кого захотят, оставаясь неуязвимыми для наказания. Вчера они наконец допрыгались. Ре-

шили достать одного парнишку, уж не знаю за что... может, высказался о них непочтительно или пошутил неудачно, с шутами это бывает... Короче, бедняга проводил на съедение дракону сразу пятерых своих подружек, и с горя рехнулся.

О собственном участии в представлении Кантор скромно умолчал. Пожалуй, его величеству Шеллару III, автору и организатору давно ожидаемого всеми жителями Ортана разбирательства с Комиссией, не понравилось бы столь явное разглашение государственной тайны. Зачем соратникам знать, что стихийного эмпата Кантора специально пригласили на королевский ужин, чтобы он собственной ненавистью спровоцировал бедного королевского шута на подвиги? Да и господину Жаку, непосредственному исполнителю гениальных планов своего монарха, тоже не хотелось бы, чтобы о его удивительных способностях трепались в каждом трактире... Но у Кантора пути назад уже не было.

– Вот там я и ушибся, – Мистралиец невольно потрогал ссадину на щеке, хотя по сравнению со сломанным ребром это была сушая мелочь, не стоящая внимания. – Когда несчастный пошел крошить злодеев, кто-то стал стрелять, все переполошились, стража забегала, в суматохе меня нечаянно толкнули.

Вот теперь ухмылялись все трое. Если бы им сказали, что резню устроил сам Кантор, обидевшись на чьи-то неуважительные слова, поверили бы, а чтобы его «нечаянно толкнули» – быть такого не может! Ну и пусть не верят. Он не со-

бирается объяснять, что толкнули товарища Кантора очень даже намеренно, и не перепуганные гости, а несколько арбалетных стрел. Если бы не сказочно прочная кольчуга, одним сломанным ребром не отделался бы.

– В этой самой заварушке подстрелили короля, и мне пришлось его спасать, потому что ни одного мага поблизости не оказалось, – продолжил Кантор, надеясь, что его правдивое утверждение звучит для товарищей достаточно идиотски. – А потом я узнал, что девушки убили дракона и моя подруга вернулась. Как было не отпраздновать? Мы собрались маленькой уютной компанией – принц Элмар со своей соратницей нимфой Этель, я со своей возлюбленной и королевский шут с самой любимой из пятерых подружек, и хорошо отдохнули. Много хорошей выпивки, деликатесы с королевской кухни, драконья кровь, мраморный бассейн, очаровательная блондинка в одной простыне... Вы все еще настаиваете, чтобы я подробно объяснил, почему опоздал!

Ромеро все-таки не выдержал, расхохотался. Однако высказывать свои комментарии не решился. Эспада махнул рукой.

– Кантор в своем репертуаре... Хотя бы уж женщин не приплетал, может, кто-то бы и поверил, – разочарованно сказал он.

Торо промолчал, но наградил «спасителя королей» таким долгим изучающим взглядом, что Кантор даже занервничал. До сих пор за товарищем не замечалось способностей к теле-

патии или магическому видению, но мало ли какие способности можно успешно скрывать?...

К счастью, в этот момент принесли еду, и внимание Торо переключилось на более интересный для него объект. Можно считать, что расспросы на сегодня закончились. Что ж, хоть иногда советы внутреннего голоса все-таки оказываются толковыми. На этот раз правда выглядела бредовее самого живописного вранья, который был способен придумать Кантор. И ведь это было еще далеко не все!

Кантор, которому на еду даже смотреть не хотелось, пригубил горячий травяной чай, отрешенно витая мыслями где-то вдали от этого трактира.

Недосказанная часть, правда, касалась той части воспоминаний Кантора, которая хранилась в тайне и которой он сам толком не помнил. Амарго неоднократно утверждал, что в действительности ничего подобного не было. Станный незнакомый парень, которого смутно вспоминал безумный бард, якобы тоже являлся плодом нездорового воображения. Кантор верил в эти очень разумные утверждения до вчерашнего вечера. Пока не узнал «плод воображения» в совершенно живом человеке. Нет, уважаемый товарищ Амарго, друг и наставник, всякая ложь рано или поздно всплывает. Человек из бредовых снов, который непонятным образом вытащил замордованного барда из застенков, существует на самом деле. Зовут его Жак, и он служит шутом при дворе Шеллара III. И этот трусоватый мягкосердечный оболтус действительно

наделен волшебным свойством превращаться в совершенно-го убийцу. Вот об этом тебя, дорогой товарищ командир, и стоит спросить, если попытаешься заикнуться о ночных похождениях и пьянках на задании...

Пока Кантор размышлял, прихлебывая свой чай, спутники закончили трапезу и стали подниматься. Сейчас «спасателю королей» предстоит повторить утренний подвиг – вскочить в седло с таким видом, словно у него ничего не болит... А если часа через два этот проглот Торо опять решит «перекусить», то для Кантора день грозит превратиться в кошмар...

Эспада поправил оба меча за спиной и вопросительно взглянул на старшего, как бы интересуясь: «Идем, или ты намерен сожрать все продукты в этом несчастном трактире?»

– Вы идите, – благодушно кивнул Торо. – А ты, Кантор, задержись на минутку.

Кантор угрюмо отодвинул кружку, покорно ожидая заслуженной лекции о сознательности и дисциплине на задании. Со стороны толстяка очень мило спровадить посторонних товарищей, чтобы не травмировать и не унижать лишний раз впечатлительного подчиненного. Он вообще бывал иногда удивительно тактичным... после еды в особенности.

– В следующий раз, – наставительно произнес Торо, – позаботься, чтобы дворцовая прислуга разбудила тебя вовремя.

– Обязательно, – серьезно пообещал Кантор, с некоторым

недоумением всматриваясь в собеседника. Он что, действительно во все это поверил? Или это такая особенная манера издеваться?

– Молодец, – флегматично отметил Торо и, не меняя тона, уточнил: – Это та самая девушка из «Лунного Дракона», которая любит соленые орехи?

Проклятье! Он и в самом деле поверил! Вопреки здравому смыслу и ужасающей репутации Кантора! Он что, действительно телепат? Или эмпат? Или обладает особым магическим умением отличать правду от лжи, как бы абсурдно та ни выглядела?

– Кантор, – мягко и проникновенно заговорил догадливый товарищ. – Можешь, конечно, не отвечать, если все так ужасно, как свидетельствует твое лицо. Но... ты точно уверен, что не хочешь поговорить о своих проблемах?

– Абсолютно, – решительно заявил Кантор, поскольку подобные предложения его только злили. – И у меня нет проблем.

Торо усмехнулся в усы.

– Я же не утверждаю, будто у тебя проблемы с женщинами, как до сих пор думает Ромеро. И так понятно, что с этим ты успешно справился сам, но почему-то не желаешь в этом признаваться. Я о другом. Сейчас ты изменяешься, а это всегда непросто. Могу поспорить, ты легче поладишь с девушкой, чем сам с собой. Твои внутренние противоречия и душевная борьба...

– Только вот этого не надо, ладно? – Ох, ну зачем было вставать так резко... – Сам с собой я уж как-нибудь разберусь без посторонней помощи.

– Как хочешь, – отвергнутый помощник невозмутимо пожал плечами и бросил на стол монету. – Тогда пойдем.

Глава 1

1. Король всегда прав.

2. Если король не прав, см. п.1.

Кондратий IV Грозный

Мафей проснулся, рывком сел в кровати и первым делом почему-то схватился за уши, хотя в кошмаре на них никто не покушался. Он тут же понял, что страшный сон был вещим. Чем отличались обычные сновидения от вещих, его высокочество юный эльф вряд ли мог бы объяснить окружающим, но сам это чувствовал. После них оставалось странное ощущение. И в первый раз, когда он видел Элмара, и во второй, когда героем сна стал Жак, и вот сейчас, когда ему приснился малознакомый мистралиец... Мафей и все, кто присутствовал вчера на памятном ужине в королевском дворце, звали его доном Диего, товарищи по оружию Кантором и лишь несколько человек на этом свете знали, что на самом деле его зовут Эль Драко. Необъяснимое ощущение ясно и безнадежно давало понять Мафею, что его нового знакомого ожидают крупные неприятности. Если не сказать хуже.

Солнце уже давно взошло, и назвать утро ранним мог бы только распоследний лежебока. Так что, если Мафей хотел предупредить своего спасителя о грядущей беде, следовало поторопиться. Принц быстро вскочил, оделся и без промед-

ления телепортировался в большую купальню в надежде еще застать там если не самого Кантора, то хоть кого-нибудь, кто мог бы подсказать, где мистралийца можно найти. Однако в купальне уже давно сутились только слуги, прибирая последствия вчерашней попойки. В отчаянии Мафей направился домой к Элмару.

Принц-бастард Элмар, в скверном настроении с тяжкого похмелья, сидел в библиотеке с большим кувшином кислого молока и мокрым полотенцем на голове. Увидев возникающего из телепорта братишку, он с трудом приподнял голову и простонал:

– Если ты сейчас скажешь, что я должен встать и идти разбираться с очередным переселенцем в твоей комнате...

– Нет, – поспешно мотнул головой Мафей. – Элмар, где мистралиец? Он мне нужен.

– Ушел, – ответил первый паладин Ортана, снова роняя голову на спинку кресла. – А зачем он тебе?

– Совсем ушел?

– Да уже и уехал, наверное. Он проспал, так что утром сорвался и побежал бегом, все переживал, что опоздает, даже похмеляться не стал. А тебе-то мистралиец зачем?

Мафей огорченно сел на пол и запустил пальцы в волосы.

– Элмар, – сказал он, чуть не плача. – Я видел сон. Я хотел его предупредить.

– Один из этих твоих страшных снов? – уточнил принц-бастард, встревоженно выпрямляясь. – О нем?

Принц кивнул:

– Его били... И пытали раскаленным железом... Он кричал...

– Тханкварра... – проворчал Элмар, сердито скомкал полотенце и бросил на пол. – Так я и знал! Вот ведь не везет девчонке... Так и думал, что, стоит Ольге как следует к нему привязаться, его сразу же убьют, а она будет сидеть и ждать... А Кантор еще заливал, что проклятие ничем никому не грозит! Мафей, ты хоть Ольге не говори раньше времени. Кантор будет здесь где-то через недельку, тогда и предупредишь. Авось твой сон не сбудется так быстро... Хотя толку предупредить... Вон Жака предупредили и что? Бедняга боялся в кабаки ходить, а случилось все в королевском банкетном зале. От судьбы не уйдешь... Тем более, этот мистралиец – человек подневольный, и ежели его пошлют, все равно должен будет ехать, даже если наверняка будет знать, что убьют. Но ты предупреди, конечно... Или я сам ему расскажу. А еще обо всем Жаку тоже скажи, вдруг меня на это время в поход пошлют...

Элмар снова тяжело застонал и положил голову на спинку кресла.

– Что с тобой? – сочувственно спросил Мафей. – Может, тебя полечить?

– Сам не видишь? – сердито проворчал принц-бастард.

– У тебя голова болит?

– И не только голова... Да что тебе, как маленькому, все

объяснять надо? – Первый паладин издал очередной стон и спросил сам себя: – Ну на кой же хрен было так напиваться? Может, Шеллар прав?

– А, так это алкогольное отравление! – обрадовался Мафей. – А я уж думал, ты заболел...

– Уж лучше бы я заболел... – простонал Элмар. – О боги, что я вчера нес под конец... Самому стыдно...

– Слезай с кресла, – пожалел первого паладина Мафей. – Ложись на пол. На спину. Полечу.

– А ты уже умеешь? – оживился похмельный герой.

– Я же токсикологию изучал, алкогольное опьянение сюда же относится.

Элмар покорно сполз на пол и растянулся на пушистом толстом ковре.

– Потерпи немного, будет больно, – предупредил эльф, присаживаясь на корточки рядом с ним.

Мафей несколько раз махнул кулаком, словно встряхивая игральные кости, и с силой разжал пальцы, будто бросил эти невидимые кости на живот пациенту. Элмар взвыл от неожиданности и вскочил.

– Ты что, убить меня хочешь?

– Я предупреждал, – напомнил Мафей, поднимаясь. – Ну как, лучше?

– Спасибо... – вздохнул Элмар, опять забираясь в кресло. – Лучше. Но все равно... Пойду я, пожалуй, лягу в постель и попробую поспать. Может, теперь получится.

– А что, до сих пор не получалось?

– Да ты что, смеешься? Стоит лечь, как у меня тут же начинается со страшной силой кружиться голова, до тошноты... Мафей, когда вырастешь, никогда так не напивайся. Это настолько плохо... Вот, как мне сейчас. Пойду прилягу. А ты смотайся к Жаку, посмотри, как он там. И к Шеллару зайди. А то я сегодня уже никуда отправиться не смогу, мне нужно оклематься. Зайдешь ко мне после обеда, расскажешь, как они там.

– Хорошо, – кивнул Мафей и телепортировался к Жаку.

Королевский шут сидел в своей гостиной, мрачно уставившись на огонь в камине. Он даже не заметил Мафея, пока тот не подошел и не окликнул его.

– А, это ты... – так же мрачно, как Элмар, проворчал королевский шут. – Ну, садись. По делу или в гости?

– Скорее в гости... Не знаю... Просто так, – принц забрался на подлокотник и сочувственно поинтересовался: – Тебе тоже плохо?

– А что, у тебя в этом есть какие-то сомнения? – угрюмо откликнулся Жак.

– Алкогольное отравление? – уточнил эльф.

Шут посмотрел на него в этот раз с интересом:

– Ты что, у Элмара был?

Мафей кивнул:

– Я его полечил немножко, и он пошел спать. Если хочешь, и тебе помогу.

– Да нет, спасибо, – вздохнул Жак. – Похмельем я не страдаю. Я не так много выпил. Мне просто плохо. Снилось всякая дрянь, на душе паскудно... А что это ты с утра по гостям бегаешь?

Эльф объяснил причину утреннего визита, отчего Жак снова помрачнел и еще больше расстроился.

– Конечно, скажу, если увижу, – вздохнул он. – Только Ольге ни слова. И чего она такая невезучая? В кои-то веки нашла себе мужика, и на тебе... То ли правда проклятие? А с чего он тебе вдруг приснился? Тебе же обычно снятся близкие люди, а с ним ты даже незнаком.

– Знаком, – возразил Мафей и на всякий случай проверил уши. Вроде бы они были в порядке. – Я с ним вчера общался... Ты уже спал тогда.

– Ты что, приходил туда, к нам? – спросил королевский шут. – А зачем? Что-то спросить хотел?

Принцу совершенно не хотелось признаваться в том, что вчера произошло, поэтому он повертелся на своем кресле, опять потрогал уши и, желая сменить тему, спросил:

– Жак, почему меня не учат боевой магии?

– Только этого не хватало! Ты и без того целую башню разнес, забыл уже? Хочешь весь дворец сровнять с землей?

– Тогда это было нечаянно, – засопел, потупившись, Мафей. – Даже сам не понял, что наделал. Просто ужасно перепугался и бесконтрольно выпустил порцию чистой Силы. Но сейчас-то я уже не маленький.

– Мэтру виднее. Раз не учит, значит рано. А почему тебе вдруг пришло в голову? На подвиги потянуло?

– Нет, – принц нахмурился и посерьезнел. – Просто вчера произошло одно событие, которое заставило меня задуматься о моей полной несостоятельности в вопросах самообороны.

– Тебя кто-то обидел? – с некоторым удивлением поинтересовался Жак.

– Меня обозвали разными неблагозвучными словами и самым вульгарным образом оттащали за уши. И я с ужасом обнаружил, что мне совершенно нечего было этому противопоставить. Какой смысл в моем магическом могуществе, если любой достаточно наглый воин может надрать мне уши, когда ему вздумается?

– Это кто же сделал? – изумился Жак, забыв даже о своем угнетенном настроении. – Кантор, что ли?

– А как ты догадался? – теперь уже удивился Мафей.

– Я не знаю других настолько же наглых воинов. А за что?

– Да за дело, в общем-то... Ты только не говори никому. Дело не во вчерашнем. Кантор-то ладно, он был по-своему прав и ничего плохого мне не желал. Но может случиться и что-нибудь похуже. И что мне тогда делать? Сидеть, утирать слезы и сознавать, что я действительно недоделанный маг, непутевый придурок, а также инфантильный лопух? Обидно, знаешь ли...

– Это он тебя так обозвал? – усмехнулся Жак. – Так по

какому все-таки поводу?

– Я хотел отлить у вас немножко драконьей крови, – неохотно признался Мафей. – И попробовать.

– Всего-то? Попросил бы меня, я бы тебе сам отлил, – махнул рукой Жак.

– Вот именно, – вздохнул принц. – Выходит, ты тоже не знал, что кровь дракона смертельна для эльфов. А Кантор откуда-то знал. Поймал меня за руку и отчитал за невежество.

– А он тебе клипсу не сдернул? – недоверчиво переспросил королевский шут. – Ты уверен, что для вас драконья кровь так вредна?

– Правда, – вздохнул Мафей. – Я специально проверил по справочнику. Чистая правда.

– А как же так может быть?

– Очень просто. Все магические напитки на эльфов действуют иначе, чем на людей.

– Так ты... – запоздало ужаснулся Жак. – Ты знал, что они действуют иначе, и не додумался заглянуть в справочник до того, как отправиться за драконьей кровью?... Ну тогда ты действительно придурок непутевый... И после этого ты хочешь, чтобы мэтр учил тебя боевой магии? Да он ни за что не согласится, даже если пожалуешься на Кантора. Но ты ведь ничего не расскажешь, а то получишь еще и от наставника.

– Конечно, я это понимаю, – снова вздохнул Мафей и жалобно посмотрел на Жака. – А ты? Ты тоже не согласишься?

– Ты это о чем? – не понял тот.

– О боевой магии. – Эльф прыгнул с ручки кресла, подошел к потенциальному учителю и, опустившись на одно колено, начал произносить стандартную просьбу: – С почтением и послушанием прошу вас, уважаемый мэтр, быть моим наставником и...

– Стой! – перебил его Жак. – У тебя что, блюдец полетело? Каким наставником? Я же не маг.

– Как это не маг? – удивленно поднял голову эльф. – Ты самый лучший боевой маг, какого я знаю. Если ты способен в одиночку победить пятерых магистров в битве магов, у тебя достаточно высокий уровень, чтобы иметь учеников. Кроме того, тебе обязательно нужны ученики, раз ты единственный представитель своей школы в этом мире. Жак, научи меня, пожалуйста. Я буду очень стараться.

– Я тебе сто раз объяснял, – жалобно простонал Жак. – Это не магия. Это виртуальное конструирование. Чисто игровая фенечка. Да и не могу я такие вещи делать сознательно, мне для этого надо вылететь в мегасеть... тьфу ты, в субреальность.

– Так это же просто, вынешь свою затычку и вылетишь, ты же от любого контакта с магией вылетаешь. Если хочешь, я на тебя что-нибудь безобидное и даже полезное наложу. А потом там встретимся. И ты все покажешь.

– Мафей, не морочь мне голову. Во-первых, это больно. А во-вторых, как я тебе объясню хоть что-нибудь о вирту-

альном пространстве, если ты ни о чем подобном представления не имеешь?

– Мне не надо объяснять, только покажи, я все сам пойму. А потом вылечу тебя, если будет больно. Жак, ну пожалуйста. А то мне придется просить Этель, а она может потребовать за это чего-то неподобающего... Я никому не скажу, что это ты. Пожалуйста. Я тебя как друга прошу.

Конечно, раз эта нахальная волшебница не постеснялась у короля потребовать ночь любви за свое участие в битве с драконом, нетрудно представить, что грозит бедному принцу... И нежный возраст его высочества напористую Этель не остановит. Жак эту даму хорошо знал, и был несказанно рад, когда смог от нее отвязаться. Познакомились они в ту горячую пору, когда в Ортане свершился очередной государственный переворот, после которого на трон и взошел ныне царствующий Шеллар III. Для Жака это время было тоже не из легких. Незадолго до этого он переместился в гостеприимный мир, параллельный своему родному, и успел совершить побег из застенков Кастель Милагро, спасти между делом какого-то мистралийца и впервые в жизни испытать, как проявляется «синдром берсерка», унаследованный от кого-то из собственных предков. Всего этого судьбе оказалось мало – Жака угораздило еще и оказаться в Ортане в разгар беспорядков и отбить от магов-заговорщиков Мафея. Как выяснилось, вживленный Жаку в родном мире имплант, предназначенный для прямого подключения к компьютеру,

позволяет с таким же успехом переходить в магическую субреальность. Тогда, в первый раз, будущий королевский шут успешно прихлопнул противников, но найти выход самостоятельно не сумел, в чем ему и помогла Этель. Тогда Жак еще не знал, что главным лекарством от любых заболеваний эта энергичная дама считает секс. Причем в неограниченном количестве. Все, кто когда-либо сталкивался с Этель, единодушно считали ее просто стихийным бедствием, и Жак не оказался исключением...

Тогда же молодой переселенец познакомился и с королем, с которым они вскоре стали лучшими друзьями. Во всяком случае Жак в это искренне верил до вчерашнего дня. Пока его величество так бессовестно не подставил «друга», намеренно активировав в нем «синдром берсерка» и даже не предупредив...

Жак резко отвернулся и уставился на огонь в камине.

– Как друга? – изменившимся голосом переспросил он. Затем наклонился и подбросил дров, хотя особой надобности в этом не было.

– А как же иначе? – искренне удивился Мафей, снова забираясь на ручку кресла. – Почему ты так расстроился? Что-то не так? Может, я тебя чем-то оскорбил? Ты сегодня какой-то странный, будто действительно на кого-то обиделся... А, ты, наверное, надулся на Шеллара? Он вчера спрашивал об этом... Жак, а за что?

– Знаешь, Мафей, – вздохнул Жак не оборачиваясь. – Да-

вай как-нибудь в другой раз. Нет у меня никакого желания об этом разговаривать. И без того тошно. Скажи только честно: ты правда сам решил с утра по гостям пробежаться, или это его величество тебя ко мне послал?

– Сам, – с готовностью отозвался Мафей. – На слово поверишь или поклясться? Я с ним сегодня еще даже не виделся.

– Верю, верю, – Жак чуть смягчился и повернулся к Мафею. – Слушай, а тебя действительно так беспокоит судьба человека, который надрал тебе уши?

– Почему нет? – Принц удивленно взмахнул длинными пушистыми ресницами. – Уши ушами, но он еще спас мне жизнь, заставил задуматься о важных вещах, просветил в некоторых вопросах... и, кроме всего прочего, я выучил девять мистралийских слов, которых до сих пор никогда не слышал.

– Приятно иметь дело с таким оптимистом, – устало усмехнулся Жак. – А каких слов?

Эльф немедленно процитировал фрагмент из воспитательного монолога наглого воина, отчего собеседник страдальчески поднял брови и попросил:

– Ты только наставнику не хвастайся своими новыми познаниями, а то ему плохо станет. Мне и то как-то стремно слышать из твоих уст этакую похабную матерщину. Неужели Кантор так обложил тебя за эту несчастную кровь?

– Нет, – вздохнул Мафей. – Так он меня обложил за другое. Я смотрел в зеркале, как они с Ольгой занимаются сек-

сом, и он меня засек.

– И не надоело тебе? – укоризненно покачал головой шут. – Ведь мэтр тебя уже ловил, объяснял... нет, дождался, пока тебе уши надрали. И ведь что противно, тебе даже ни капельки не стыдно.

– Но что тут стыдного? – искренне удивился юный принц. – Я не делаю ничего неподобающего, просто смотрю. В познавательных целях, а не для удовлетворения каких-либо потребностей. Я не понимаю, что здесь постыдного и запрещенного.

– Как тебе еще объяснять... – пожал плечами Жак. – То ли эльфы все такие бесстыжие, то ли ты дурачком прикидываешься. Попробуй представить себе, что ты с кем-то трахаешься, и в самый интересный момент вхожу я и начинаю на вас смотреть. Ну и что ты при этом почувствуешь?

– Не знаю. Мне сложно представить.

– Могу тебя просветить. У тебя все на фиг тут же упадет и тебе уже ничего не захочется. Разве что сказать мне пару тех слов, которые ты вчера выучил.

– Действительно? Так бывает? – Глаза Мафея загорелись неподдельным интересом.

Жак тяжело вздохнул и махнул рукой.

– Ты безнадежен. Хоть бы уже скорей начал, что ли, а то меня все эти теоретические беседы с тобой просто задолбали.

Мафей, которого тоже давно задолбали нравоучения на

эту тему, соскочил с кресла и стал торопливо прощаться. Тем более, что нужно было еще успеть заскочить к кузену Шеллару до всяческих посетителей, которые не дадут поговорить спокойно.

Вопреки ожиданиям принца-эльфа в спальне его величества уже кипела жизнь. Прямо-таки бурлила и била ключом. Король возлежал на кровати с перекошенным от боли лицом и решительно требовал, чтобы мэтр, во-первых, покинул комнату и дал ему возможность поговорить о делах государственной важности, а во-вторых, сделал что-нибудь с этой проклятой слабостью, поскольку его величеству крайне необходимо срочно созвать внеочередное заседание кабинета министров. Разгневанный наставник Мафея – мэтр Истран – быстро бегал вокруг кровати и не менее решительно требовал, чтобы его величество выбросил из головы всяческие вздорные идеи касательно заседаний, поскольку вставать с постели ему категорически запрещается. А еще о том, чтобы его величество вообще не смел даже думать о государственных делах, пока не поправится. В сторонке молча стоял Флавиус со своей неизменной папкой и с каменным лицом наблюдал за битвой, терпеливо ожидая, чем та закончится. Завидев принца, глава Департамента безопасности и порядка приветствовал его высочество безмолвным поклоном и вернулся к наблюдению за ходом боевых действий. Воюющие стороны тут же прекратили сражение и одновременно повернулись к Мафею.

– Доброе утро, – сказал король. – Ты не знаешь, где Элмар?

– Ваше высочество, почему вы появляетесь в королевской спальне телепортом и без разрешения? – сердито спросил мэтр Истран. – Извольте вернуться в свою комнату и подождать меня там.

– Извините, – пробормотал растерянный эльф, который совершенно не ожидал оказаться в центре утреннего скандала. – Доброе утро. Элмар дома, он плохо себя чувствует.

– Опять вчера набрался! – сердито простонал король. – Ну что мне с ним делать? Он мне срочно нужен!

– Ваше величество, извольте немедленно прекратить бессмысленные затеи, встать я вам все равно не позволю.

– Мэтр, неужели вам самому не понятно, что, если я не разберусь со всем этим бардаком сегодня, в крайнем случае завтра, то к моменту выздоровления я останусь без короны!

– Сегодня я вам категорически запрещаю даже пытаться встать с постели! А насчет завтра поговорим отдельно.

Пока они препирались, Флавиус поманил Мафея пальцем и тихо шепнул:

– Ваше высочество, я вас убедительно прошу отвлечь вашего наставника на пять минут. В интересах короны.

Принц немедленно воззвал:

– Простите, мэтр, не могли бы вы уделить мне пять минут? Я хотел... мне необходимо вам кое-что рассказать.

– Что именно? – ворчливо поинтересовался мэтр, отвле-

каясь от перебранки с несговорчивым королем.

Мафей выразительно покосился на Шеллара и попросил:

– Мы не могли бы... вернуться в лабораторию или куда-нибудь еще?

Наставник со вздохом согласился, и они вместе покинули спальню его величества к великой радости последнего и неопишуемому облегчению главы департамента. В лаборатории мэтр Истран уселся в кресло и сказал, насмешливо взирая на ученика:

– Ну, и что же вы собираетесь мне поведать, ваше высочество? Уже придумали или будете импровизировать?

– Вовсе нет, – состроил обиженную рожицу Мафей. – Я собирался рассказать вам свой сон.

– А я полагал, вы собираетесь убрать меня из опочивальни его величества, чтобы он мог все-таки побеседовать со своим любимым господином Флавиусом.

– Почему же вы тогда согласились? – не удержавшись, спросил принц и уселся на шкафчик с картотекой.

– Потому что кое в чем его величество все же прав... но я вас слушаю, ваше высочество.

Мафей изложил свой сон и уставился на наставника.

– А чего вы от меня ожидаете? – удивился тот. – Мне, конечно, очень жаль, этот молодой человек мне симпатичен, но сделать что-либо, чтобы предотвратить его печальную судьбу, я не в состоянии. Остается только уповать на то, что в данном случае, как и в предыдущих, обойдется без фаталь-

ных последствий.

– Я хотел уточнить, – замялся Мафей. – Вчера Шеллар упрекнул меня за то, что я не рассказал ему свой предыдущий сон... и просил впредь рассказывать все, что бы мне ни приснилось. А я боюсь его расстроить. Как вы считаете?...

– Я полагаю, что рассказать ему все, конечно, следует, но не сейчас, а позже, когда его величество поправится. А сейчас я вас покину и попытаюсь все-таки прийти к взаимному согласию с королем. Если, конечно, вы не желаете рассказать мне еще что-нибудь.

Мафей запаниковал.

– А... вы хотели еще что-то узнать?

– Хотел бы. Но я вижу, вы твердо намерены это от меня скрыть. Вы опасаетесь наказания, или вам просто стыдно признаться?

– Что вы имеете в виду? – для верности уточнил Мафей, заливаясь краской.

– Вчера ночью я видел, как вы в величайшем смятении рылись в справочнике «Снадобья, эликсиры и прочие магические напитки» и, найдя искомое, пришли в ужас. Кроме того, ваши уши выглядели так, словно их кто-то перед этим как следует намял. Вот я и хотел бы узнать, кто именно. За что, понятно: вас изловили при попытке похитить сосуд с кровью дракона и, вероятно, отпить из него. А вот кто? Этель?

– Почему вы так решили?

– Потому, что вряд ли кто-либо еще решился бы посту-

пить с вами подобным образом, а у нее и не на такое наглости хватит. Или я ошибся?

– Ошиблись, – вздохнул Мафей. – Это сделал дон Диего. Тот, что мне потом приснился.

– Невероятно! Какой необыкновенный человек! Он не сказал вам, откуда у него такие познания о свойствах магических напитков?

– Сказал, – охотно ответил Мафей, радуясь возможности увести разговор в сторону. – Из собственного жизненного опыта. Он говорил, что у него есть знакомый, тоже полуэльф, как и я, и этот знакомый как-то однажды просветил дона Диего на этот счет. Правда, больше ничего об этом загадочном знакомом он не сказал... а жаль. Мне было бы интересно пообщаться с себе подобными. Да и полезно, наверное...

– Что ж, – усмехнулся наставник, – утешьтесь тем, что вы и так получили невероятно полезный для вас опыт. Как вам понравилась такая разновидность воспитания? Может быть, и мне стоило бы иногда прибегать к столь действенному методу? Насколько я помню, на его величество телесные наказания произвели в свое время определенное влияние...

– Не надо, – жалобно пробормотал принц.

– Что ж, сейчас мне некогда беседовать с вами на эту тему, тем более что вы уже наказаны за ваше невежество и недостойное поведение. Но впредь имейте в виду, что метод нашего мистралийского гостя мне чрезвычайно понравился прежде всего тем, насколько действенный оказался по отно-

шению к вам.

– Да, мэтр, – обрадованно кивнул Мафей, радуясь, что хоть зеркала в разговоре не всплыли. И, все-таки набравшись наглости, поинтересовался насчет боевой магии. Мэтр понимающе улыбнулся и выбрался из кресла.

– Я научу вас обездвиживать противника, и этого будет вполне достаточно, – и уже строгим тоном добавил:– А о боевой магии можете забыть на ближайшие двадцать-тридцать лет.

«У тебя хотя бы капля мозгов есть? Хотя немножечко? Вот столечко? О чем думал своей пустопорожней тыквой, когда ломился телепортом в место, которого толком не знаешь? Молодость вспомнить захотелось? Прогуляться по памятным местам, по которым тебя наставник смычком гонял? Ну, подставкой от пюпитра, какая разница... Мало того, что местность практически не помнишь, ты еще и не потрудился как следует разобраться в совмещении преломлений. Я не маг, и то понимаю, что дальше, чем от штаба до уборной, телепортироваться на первых порах не следовало, а тебя по континенту понесло! Ты вообще о чем-нибудь способен думать, кроме магии и своих стихов? Ну да, еще о бабах, это я в курсе. Совесть у тебя есть? Что ты тут улыбаешься, девушка я тебе, что ли? Я из-за тебя, паршивца, чуть умом не тронулся! Где тебя носило все это время? То есть как – не знаешь? Очень мило – он не знает! Как у тебя ума хватило кидаться неизвестно куда, без малейшей гарантии найти

дорогу назад, понимая, что без тебя здесь все рухнет к свиньям собачьим? Как я еще должен объяснять, сколько тебе раз повторять, что ты не для красоты здесь околачиваешься? Как мне бороться с твоей проклятой эльфийской мозговой недостаточностью? Как в тебя вбить хоть какое-то понятие об ответственности, ведь ты здесь главный, на тебе все держится и ты в ответе за все и за всех! Пассионарио, я не знаю, что с тобой делать. Какому идиоту пришла в голову мысль, что ты сумеешь возглавить партию? С какой стати? Только потому, что ты непревзойденный оратор? Так ведь это единственное твое достоинство, прочее – сплошные недостатки! Тебя же и близко нельзя подпускать туда, где требуется хоть капля ответственности! Даже с парой мышей нельзя оставить, сдохнут от недосмотра, а тебе доверили командовать людьми! Вот что ты опять улыбаешься?... Не будет он больше! Так я и поверил.

О небо, за что мне такое наказание! За какие прегрешения шеф повесил на мою шею этих двух негодников? Одно-го вполне хватило бы, чтобы рехнуться за пару лун... С Кантором и то легче, он хоть не улыбается... Перестань ухмыляться, на меня это не действует, я амулет надел! Телепортист хренов! Есть же т-кабина, на кой тебе сдалось так рисковать?! Еще что-то подобное выкинешь – я на тебя ошейник надену! Небо свидетель – надену и заклепаю намертво собственными руками! Чтобы вообще больше колдовать не смог! И нечего на меня глазами сверкать, напугал тоже! На

баб своих будешь сверкать, может, испугаются и разбегутся!.. Пусть? А что ж такое? За ум взялся или яйца оторвало в странствиях? А, просто новую нашел? Да перестань лыбиться, что ты прямо сияешь весь!.. Ну вот, опять! Где ты их находишь, этих «самых прекрасных на свете»? Ну да, так я и поверил, что у тебя с кем-то из них может быть серьезно. Не смеши. Где ты ее откопал-то?... Да вы что, сговорились? Я теперь что, вам буду записочки таскать? Да не пошли бы вы оба, придурки влюбленные! Нет, не иначе шеф все-таки врет насчет эльфа, чтоб я сдох, вы точно-таки братья! Да, разумеется, про Кантора я все знаю, не хватало мне только, чтобы и ты себе ненормальную переселенку нашел... Это радует, что нормальная, но то, что они знакомы – уже не очень... Кто? Да ты что, последние остатки мозгов куда-то телепортировал? Ты еще помнишь, чем однажды кончилась для Кантора вот такая же неземная любовь? Не смей и близко подходить ко дворцу! Не хватало, чтобы тебя там поймали! Да запросто, не пройдет и луны, как Шеллар со своим Флавиусом засекут тебя и изловят! Не убьют, конечно, но засветишься на весь мир, я тебе гарантирую. Это в лучшем случае. А еще тебя могут принять за шпиона. Или выдать мистралийскому правительству, если того потребуют интересы короны. Или втянут в какую-нибудь авантюру, на которые Шеллар большой мастер.

Кантор уже вляпался, чуть не пристрелили позавчера, тоже именно по этой самой причине. Не мог он этих короно-

ванных особ послать куда подальше... Так что и думать забудь болтаться по королевским дворцам, сиди дома и пиши стихи, если так уж немоготу. Да, именно так! Кантору можно, а тебе нельзя!.. Потому что Кантор серьезный и осторожный, а ты – безответственный недотепа. Потому, что для него это редкий шанс как-то решить его проблемы с психикой, а для тебя – развлечение. И потому, что он – рядовой боевик, если с ним что-то случится, разве что родители поплачут, а ты... Как тебе непонятно? Ты – наш вождь, хоть и хреновенький, и твоя распроклятая улыбка – наше знамя, перестань наконец скалиться! И если что случится с тобой, наше движение накроется... вот тем самым. Если ты еще помнишь, ты – наш последний шанс наладить жизнь несчастной страны, твоей страны, между прочим! Хотя я не представляю, как навести порядок в государстве, если у тебя в комнате-то бардак такой, что зайти страшно... В общем, ты меня понял?

С базы ни шагу, никаких самостоятельных занятий магией и никаких прекрасных и совершенных баб из королевских дворцов! Ты меня хорошо понял? Не слышу ответа. Что? Что ты мне показал? Ах ты, засранец! У Кантора научился? А шеф еще утверждает, что вы не братья! И очень даже я смею тебя воспитывать и на тебя орать! И нечего становиться в позу и строить из себя оскорбленную добродетель, ты в самом деле виноват. Куда! Стой! Не смей! Ах ты, паршивец! Вернись немедленно!.. Нет, ну что мне с ним делать? Шефу пожаловаться? И где этого негодника опять искать? Ненави-

жу! Всех! Этих неуправляемых подопечных, этого шефа и эльфов заодно, если он все-таки не врет...»

Министры и господа члены президиума дворянского собрания покидали зал заседаний в полной тишине. Никто не переговаривался с соседом, никто ничего не обсуждал, никто не высказывал никакого мнения. Все выходили безмолвные, бледные, с одеревеневшими лицами и поспешно разбежались, словно торопясь покинуть страшное место. Последним вышел король, опиравшийся на плечо Элмара. Он шел с трудом, шатаясь и морщась от боли, бледный и весь какой-то всклокоченный, как после драки. Первый паладин бережно поддерживал его и негромко что-то говорил. Лицо у его высочества было примерно такое же, как и у господ министров.

Жак подождал, пока они пройдут, вышел из-за колонны и не торопясь двинулся следом. У двери королевских апартаментов он остановился, прислушался, но входить не стал, поздоровался со стражниками и присел на корточки под развесистым экзотическим кустом в огромной кадке. Достал из кармана сигарету, зажал в зубах и стал шарить по карманам в поисках спичек. Стражники неуверенно топтались, видимо, не решаясь приблизиться. Затем Марк все-таки прислонил к стене алебарду и, воровато озираясь, не видать ли какого начальства, подошел к королевскому шуту и присел рядом.

– Что там у вас было? – вполголоса спросил он.

– Где? – не понял Жак.

– На заседании.

– Я там не был, – пожал плечами шут. – Сам только что пришел. А что случилось-то?

– Ты даже не слышал ничего? – еще тише прошептал Марк.

– Ничегошеньки. Я пришел, когда все уже закончилось. Заметил только, что морды у всех перекошены. А что, сильно шумели?

– Не просто шумели, кто-то орал на весь дворец, стекла били... Драка там случилась, что ли? А мы тут стоим, ничего не знаем...

– Стекла били? – изумился Жак. – На заседании кабинета министров? Ни хрена себе, позаседали... надо будет у Элмара спросить. Марк, ты не знаешь, он выйдет или телепортом домой отбудет?

Марк развел руками:

– Выйдет, наверное, если только его король не засадит в свой кабинет. Подожди, если время есть. Может, мэтр появится, его спросишь. Заодно нам объяснишь толком, что позавчера вечером случилось на этом ужине, чтоб ему провалиться.

– Ты разве там не был? – помрачнел Жак.

– Был. Но ничего не понял. И ребята тоже. Что с тобой приключилось-то? Ты же сроду оружия в руках не держал и вообще крови боишься. Или до сих пор прикидывался, а на самом деле особо секретный агент Флавиуса?

– Ну вот, пошли гулять сплетни... – недовольно провор-

чал Жак. – Блюдец у меня взлетело по-серьезному. Перенервничал, наверное. В глазах потемнело... и дальше ничего не помню. Очнулся с мечом в руках, кругом кровища и головы валяются... Бр-р-р! До сих пор страшно! – шут передернул плечами.

– А-а, – понимающе протянул Марк. – Тогда понятно. Ну и хорошо. А то, если б не ты, мы бы еще неизвестно сколько с этой Комиссией мучились. Наш начальник на радостях настоящий праздник закатил по этому поводу... А нам вот, видишь, караулы удвоили... А вот и его высочество, и ждать не пришлось, – торопливо поднялся стражник. – Ну ладно, пойду на пост, пока никто не заметил.

Марк шмыгнул на свое место у дверей, а Жак поднялся из-под кадки и поприветствовал Элмара, который спешно покидал королевские апартаменты.

– Ой, Жак! – обрадовался первый паладин. – Хорошо, что ты пришел! Шеллар о тебе спрашивал. Только сейчас к нему ходить не стоит, его мэтр каким-то эликсиром напоил, и он... не совсем при памяти.

– Я не к нему, – опустил глаза Жак. – К тебе. Ты сейчас куда?

– Я? – Элмар минутку подумал и махнул рукой. – А, демоны с ними! Мне надо срочно что-то выпить, так что я в ближайший кабак.

– Почему не здесь? – удивился шут.

– Во-первых, у меня есть подозрение, что Шеллар запре-

тил меня поить во дворце, а во-вторых, хочу тебе что-то рассказать, а тут... сам понимаешь, дворец есть дворец. Пойдем в «Веселую белку», тут рядом. Я угощаю.

– Может, не надо в кабак... – замялся Жак и тут же сам себя одернул: – Ой, чего это я! Сон Мафея сбылся, а у меня все еще привычка осталась – по кабакам не ходить. Пошли. Расскажешь мне, что было на заседании и кто стекла бил?

– Расскажу, – пообещал Элмар. – Только не сейчас. Выпью, успокоюсь немного...

– А чего все с такими мордами выходили? – поинтересовался Жак, едва поспевая за широким шагом принца-бастарда.

– И об этом поговорим, потерпи немного.

– Ладно, – Шут чуть пожал плечами, помолчал, потом спросил, неловко отводя глаза: – Как он там? Вообще?

– Шеллар? Да не ложится ему спокойно. Вчера поставил всех на уши, с мэтром поругался...

– Из-за чего?

– Из-за всего. Из-за постельного режима, обезболивающих заклинаний, тонизирующих эликсиров и прочего. Вот уж трудяга-энтузиаст! Он хотел это заседание вообще вчера провести. Представляешь себе? Голову от подушки оторвать не может, а туда же! Нужно ему это заседание, ну просто позарез! По мне, так Флавиус сам бы прекрасно справился, и никто б не вякнул, так нет, ему понадобилось лично присутствовать! Вот и пристал к мэтру, чтобы тот наложил днем

обезболивающее заклинание и приготовил какой-то эликсир, придающий сил. Но если заклинание будет днем, то перерыв придется делать ночью. А спать как? И эликсир этот, от него потом такие побочные действия, что здоровому мало не покажется. А Шеллару хоть говори, хоть не говори, уперся – и все. Мэтр тоже ни в какую. Так и поругались. Мэтр кричит, что его величество себя угробить желает, а Шеллар ему, что, дескать, если он еще пару дней пролежит, то его кто-то другой угробит... В общем, компромисс был достигнут с трудом – мэтр напоил Шеллара эликсиром, а обезболивающее оставил на ночь. Понадеялся, что в таком случае его величество свое заседание поскорей закончит. Как бы не так! Уж лучше бы все-таки сделал как просили. Может, и обошлось бы. А так пошел мой бедный кузен на это траханое заседание своими ногами, но при полном букете ощущений... В тебя никогда стрелой не попадали? Впрочем, что это я дурацкие вопросы задаю... Поверь, гадостная штука, да еще «бабочка», да еще на вторые сутки, когда воспаление идет... В общем, приятного мало, по себе знаю.

Они спустились по мраморным ступеням дворца, прошли по мощеной аллее и вышли за ворота.

– Весна... – мечтательно произнес Элмар, вдохнув полной грудью и залюбовавшись на солнце. – Вот и еще один год пролетел... Кстати, с новым годом.

– Тебя тоже, – вздохнул Жак, которого, похоже, даже весна не особо радовала. – Ну, и что было на заседании дальше?

– Подожди, – попросил первый паладин. – Не на улице же.

Жак послушно замолк и терпеливо молчал всю дорогу до ресторации «Веселая белка» и пока Элмар распоряжался насчет отдельного кабинета и выпивки.

– Ну, так что же там случилось? – спросил он, когда его высочество наконец осушил изрядный бокал вина и тут же налил себе следующий.

– А сам как считаешь?

– Думаю, его величество изволили лишиться чувств посреди заседания, – предположил Жак.

– И близко не угадал, – печально усмехнулся Элмар, пропустил еще бокал и занялся мясным рулетом с овощами. – Дождешься от него! Как только все остальные там чувств не лишились, вот что странно... Так вот, собрались мы все и засели – министры и президиум дворянского собрания совместно. Шеллар, понятно, сам речи говорить не в состоянии, доклад он поручил Флавиусу. Тот и доложил. Что, дескать, произошло досадное недоразумение и чудовищное преступление. Недоразумение – то, что один из гостей на банкете обезумел и погромсал Комиссию, а преступление – что готовился государственный переворот, и было совершено покушение на короля. Понятное дело, в Шеллара попали случайно, но кто ж теперь это вслух скажет, если короне удобнее, чтоб было покушение? Ввиду этого были приняты следующие меры... и зачитал список из тридцати двух пунктов. Правильные меры, мне понравилось. Все счета членов

Комиссии арестовали, имущество конфисковали, как нажитое преступным путем, в нарушение финансовых интересов королевства. Все документы из их конторы изъяли и нашли там уйму интересного. По городу прошли повальные аресты, утром уже кое-кого осудили, а к вечеру и казнили. Это вчера ночью, пока мы в купальне расслаблялись, Флавиус трудился, как землеройка.

– Так быстро? – удивился Жак.

– Это ж не уголовные дела. В службе безопасности дела об угрозе короне решаются быстро и без всяких там адвокатов. Особенно если речь идет о заговоре и покушении на короля. Заседает закрытый трибунал, и готово. Тем более доказательств хоть ковшом черпай. Так что штук восемь голов на площади Справедливости уже торчит, и еще человек полтора ждут решения своей участи в подвалах департамента. А начальника службы безопасности господина Фейна вообще на кол посадили. Я так понял, Флавиус крепко обиделся, что Фейн метил на его место и из-за этого провалил какую-то грандиозную секретную операцию. А Флавиус шутить не любит... Заодно и прочих сотрудников припугнул как следует. Некоторых министров тоже арестовали, на заседание заместители приходили... Так о чем это я? Ах, да. Зачитал Флавиус свой доклад и тонко всем намекнул, чтобы впредь вели себя прилично и забыли о всяких безобразиях, потому как неуязвимых среди них не осталось. И ты думаешь, эти придурки поняли намек? Они начали протестовать!

Как тебе нравится? А затеял все граф Монкар. Как это его пропустили ночью? Неужто не за что было? Он вчера весь день подбивал дворянское собрание на выражение протеста его величеству. Вот и начали с его подачи господа министры и дворяне требовать расследования, рассмотрения дел в суде, а завершили свое выступление выражением неодобрения и недоверия королю. А господин Монкар высказал сомнения насчет того, что было преступлением, а что – недоразумением...

– Догадливый! – хмыкнул Жак.

– Возможно, возможно... Расписал в красках, как ни за что ни про что выволокли из дома его ненаглядную Алису и призвал всех не допустить беззакония и злоупотребления властью.

– Кто бы говорил! – опять хмыкнул шут.

– Вот именно. Шеллар ему на это ответил, спокойно и логично, как всегда это делает. Дескать, быть не может сомнений в том, что с Комиссией произошло именно недоразумение, поскольку будь королевский шут, ты, значит, в своем уме, то ничего бы им не сделал, а безумцы суду не предаются. Так что тут и расследовать нечего. А вот с его Алисой еще разберутся, виновата она или нет. И ничего незаконного с ней не произойдет. Можно будет даже подумать о помиловании, если все пойдет нормально. Тоже, значит, намекнул. А гоблины бестолковые и этого не поняли! Им показалось, что его величество изволит оправдываться и, значит, можно

на него, как Ольга говорит, наехать. Тогда и пошло. Выступил генерал Дальдо и заявил, что король использует элитные войска по своему желанию, не ставя в известность генштаб... Между прочим, короли имеют на это право, а генштаб ставят в известность только из вежливости. То ли генерал об этом забыл, то ли просто хотел воспользоваться моментом. Я гляжу, а Шеллар прямо на глазах тихо звереет.

Он вообще с самого начала вел себя немного нервно, взвинченно – от этого эликсира, от боли, да еще почти двое суток не курил. Но самообладания пока не потерял и только напомнил генералу насчет того, что корпус паладинов подчиняется непосредственно королю, который и имеет право им распоряжаться. И предложил высказываться, если еще у кого-то есть соображения по данному вопросу. Тут они вообще распоясались. Наше дворянское собрание приволокло на заседание наследников герцога Браско (у него, оказывается, пять сыновей) и от их имени выразило протест против конфискации, а эти пять лбов еще и разорались... Кто их только пустил?

Потом то же самое учинили компаньоны Ваира – у них же из общего дела капитал изъяли получается. Казначей пустил слезу, что в пещере сокровищ нашли совсем мало, наверное, девушки растащили, и дефицит бюджета по-прежнему поправить нечем... Смеешься? Я тоже чуть со смеху не помер. Министр иностранных дел заскулил, дескать, что мировая общественность скажет, что нас после этого, как Ми-

стралию, перестанут за людей считать... А Шеллар к тому времени пятнами пошел, сидит, сопит как тролль, глаза кровью налились, но молчит. А они видят, что он молчит, и полный бардак устроили...

– Это тогда стекла выбили? – уточнил Жак.

– Да никто стекла не бил, подожди, не перебивай. Слово опять взял граф Монкар и внес предложение, во-первых, создать особую комиссию, которая расследует коварное убийство на банкете и добьется, чтобы голова виновника – то есть твоя – украсила площадь Справедливости. А во-вторых, внести все незаконные деяния его величества в отдельный список и на основании этого поставить вопрос о правомерности его пребывания на престоле. Так иногда делается. Короли не предстают перед судом, но, если попадаются на чем-то преступном, с них запросто снимают корону. Я понял, к чему идет, представил, что мне придется все-таки занять престол, и мне чуть дурно не сделалось... Тут смотрю – Шеллар приподнимается во весь рост и как рявкнет: «Корону? Корону тебе, сукин сын?» Все сразу – хлоп! – и заткнулись. А он поводил глазами по залу и негромко так начал говорить. «Вы, господа, – говорит, – намеков не понимаете. Вы тут настолько уже обнаглели, что на второй день после неудачного заговора приходите ко мне и начинаете высказывать претензии». Говорит, а голос все громче, громче... «Доходит, – говорит, – уже до того, что человек, по уши погрязший в заговоре, лучший друг руководителя и отец активной участ-

ницы, которого оставили на свободе только из уважения к его былым заслугам, ставит вопрос – могу ли я оставаться на престоле? Это следует понимать так, что заговор продолжается?»

А потом уже стал не говорить, а кричать: «Когда шайка мошенников фактически узурпировала власть, вам это казалось законным и правильным, потому что они с вами делились взятками, а когда их не стало и законный правитель начинает наводить порядок, вы вопите о беззаконии? Голову виновника вам захотелось? А о своей собственной вы подумали? Где она может оказаться завтра, вместе с вашим списком?» – Элмар перевел дыхание, опорожнил очередной бокал и продолжил: – Жак, это было жутко, можешь мне поверить. Шеллар орал минут десять. У всех дар речи пропал моментально. Даже у меня. Никто никогда не слышал, чтобы король так кричал. Он голос-то повышал в крайне редких случаях, сам знаешь. А тут... страшно было смотреть. Стоит, ладонями в стол уперся, бешеными глазами водит и орет. Боги, я никогда не подозревал, что у моего кузена такая луженая глотка! Он по каждому прошелся персонально, каждого ткнул носом в дерьмо и обложил матом в семь этажей. Генерала, у которого берут солдат для покушения на короля, а он знать не знает. Казначея, у которого в казне образовалась загадочная бездонная дыра и которого ждет личная королевская ревизия, и если он до тех пор эту бездонную дыру не заделает, свои претензии будет высказывать на том свете

предкам. Наследников этих придурочных, которым оставили родовой замок, а они еще недовольны, наверно, хотят титула лишиться. Министра иностранных дел, который работает на три разведки одновременно и почему-то думает, что никто об этом не знает... Ну и прочих. Я испугался, что его сейчас еще и безумцем объявят, стал за камзол дергать, так и мне досталось. Дескать, первый паладин сидит тут для мебели, наследник называется, не имеет понятия, что творится в стране, и вином от него разит с утра. А я, между прочим, всего-то один бокал за завтраком выпил. Даже обидно... Все застыли, никто не шевелится. Ждут, чем это закончится.

– И чем же? – нарушил возникшую после этих слов паузу Жак.

– Тем, что начали лопаться стекла, которые тебе так покой не давали. Никто их не бил, они сами полопались. Штук три. Тогда его величество изволили опомниться и успокоиться. Снова поводил глазами по залу, посмотрел на окаменевшие физиономии и уже нормальным голосом добавил: «Я тут король или хрен собачий?» И знаешь, как-то ни у кого сомнений по этому поводу не возникло. Вот уж никогда не думал, что можно так напугать людей простым десятиминутным криком.

Безусловно, рассказ Элмара был невероятен уже потому, что ярость была Шеллару до сих пор не свойственна. При всех достоинствах, по части выражения чувств у его величества были с самого рождения определенные проблемы. И, в

отличие от обычных людей, которые постигают смех и слезы, горечь утраты и восторженность любви в определенном возрасте, Шеллару каждое из них давалось с большим трудом. Либо, как это случилось когда-то со способностью смеяться, путем длительных тренировок, либо вот такими потрясениями.

– Как я понимаю, – улыбнулся Жак, – сегодня его величество научился гневаться?

– Ты смеешься... Мне тоже всегда было смешно, когда он говорил, что страшен в гневе, только никто этого не знает. А ведь на самом деле страшно. Я уж решил, что у него что-то в голове нарушилось... А он наорал на всех, а потом сел и опять спокойно так говорит: «А теперь, господа, давайте договариваться по-хорошему, как цивилизованные люди». Последний намек, так сказать, сделал: либо вы, сволочи, успокойтесь и заткнетесь, либо еще полетят головы, благо, есть за что. И ведь сразу к ним вернулась способность понимать намеки, и договорились в пять минут. Вспомнили, кто здесь король и какие у него права, и полностью осознали, что неуязвимых среди них действительно не осталось. А с Монкаром договорились персонально – обменялись, так сказать, головами – Шеллар помилует Алису, а Монкар отвечает за твою безопасность. И если вдруг с тобой что случится, разбираться не будут, а возьмутся сразу за нее. Кстати, ты в курсе, что Ольгин мистралиец Монкара обложил матом, показал ему два пальца и еще побить грозился?

– За что? – хихикнул Жак, представив себе эту картину.

– Его светлость вломился в королевские апартаменты и начал хамить и что-то требовать. Кантор в это время один сидел. Ну, ты же знаешь этого нахала? Хотя ты с ним мало общался... Так вот, наш мистралийский друг начисто лишен такого качества, как почтение к вышестоящим, зато наглости у него на шестерых. Он послал его светлость во все известные науке места и посулил выкинуть силком, если тот сам не уберется. Монкар пытался пожаловаться, но тут уж я это дело пресек, сказал, что не советую ему связываться, что, дескать, мистралийцы – они такие, если вдруг с этим наглецом что-то случится, понаедут братья и устроят кровную месть, и тому подобный вздор. Откуда только фантазия взялась?

– Подействовало? – поинтересовался Жак.

– Еще как! Ну а, чтобы Шеллар не думал, что я у него для мебели, я им тоже сказал, что если вдруг с моего кузена снимут корону, она перейдет ко мне, а я кузена Шеллара настолько люблю, что сделаю его своей правой рукой с неограниченными полномочиями. И еще заодно вызвал на поединок всех пятерых наследников герцога Браско. Противно, что ни один не принял вызов. Четверо признали, что они недостойны скрестить меч с особой королевской крови, и тут же по-быстрому смылись. А пятый, злобный сукин сын, сказал, что он бы с удовольствием, но он маг, а я воин, так что в поединке он может сразиться разве что с Мафеем.

– Дурак он, что ли? – отозвался Жак. – Если Мафею по-

казать пару боевых заклинаний, он от этого смельчака мокрого места не оставит. Из нашего малыша дурная Сила так и прет, ее только оформить как-то...

– Правда? – порадовался Элмар. – Я знал, что Мафей силен, но не думал, что настолько.

– Ну, а дальше-то что было? – вернулся к разговору о соещании Жак.

– Да в общем все. На том и закончилось. Все быстро разбежались по своим делам: казначей – дырку в бюджете заделывать, генерал – виноватых искать, министр иностранных дел – лекарства принимать... Ну, и так далее. А Шеллар даже извинился передо мной за то, что наорал и нахамил. «Извини, Элмар, – говорит, – я не хотел тебя обидеть, просто не дергай меня за камзол, когда я в гневе»... А потом действие эликсира кончилось, он еле успел до своих покоев добраться, в гостиной мне даже пришлось его на руки брать, а то свалился бы. Мэтр его отругал, чем-то напоил и уложил в постель, – Элмар вздохнул, в очередной раз опростал бокал и вдруг спросил: – Жак, а ты почему к нему не приходишь? Он о тебе постоянно спрашивает. Переживает, что ты на него обиделся.

– Странно, – ядовито ответил шут, как-то сразу помрачнев, – когда он меня подставлял вот так по-свински, он не переживал. Друг, называется. Если б он меня просто об этом попросил по-дружески, я бы... я бы и это для него сделал. А он...

– Он не хотел, – угрюмо сказал принц-бастард, опустив глаза. – Это я его заставил.

– Слушай, рассказывай эти сказки Мафею, ладно? – нахмурился Жак. – Понятно, ты его любишь, хочешь, чтобы у него все было хорошо, у тебя хватит благородства взять все на себя, но не надо мне врать так по-детски.

– Я тебя не обманываю, – настойчиво повторил Элмар, не поднимая глаз. – Это я виноват. Когда он сказал, что мне придется занять престол...

– Не понял.

– У него был другой план, – стал объяснять первый паладин. – Он собирался убить их сам. После чего ему пришлось бы в любом случае сложить с себя корону. И я так из-за этого расстроился, что совсем разум потерял, и взял с него слово, что, если он успеет придумать что-то другое, то обязательно попробуем воплотить. Вот он это и придумал. Шеллар не хотел. Он говорил, что план никуда не годный, подлый и безнравственный, но я настоял. Уж очень мне не хотелось быть королем, – Элмар поднял глаза и покаянно продолжил: – Жак, клянусь честью, так оно и было. Он не хотел тебя подставлять. А я... я не знал, что это будешь ты. Он мне не сказал. Если б я знал, я бы не позволил тебе взять мой меч. А если б знал ты, ты бы не трансформировался. Он не мог сказать. Ни тебе, ни мне. Прости нас. Прошу тебя. Сходи к нему. Все равно ведь помиритесь, что, я тебя не знаю. Поговорите, объяснитесь по-человечески. Он бы и сам к те-

бе пришел, если б мог. Жак, он ведь переживает. Ему и без того плохо. Если вы не помиритесь, он ведь и правда мне не простит.

Королевский шут вздохнул и заговорил о другом:

– А у меня новость, – сказал он. – Тереза наконец избавилась от своих проблем.

– Так вот ты где вчера был? – повеселел Элмар. – Из постели весь день не вылезал?

– Почему весь день? Днем она меня всякими зельями отпаивала, потому что у меня до самого вечера все конечности тряслись. А уж ночью конечно...

– Ну надо же! – восхитился принц-бастард. – Что же он с ней сделал?

– Кто? – не понял Жак.

– Кантор. Они чуть ли не час просидели вместе в оранжерее, и после того вышли в обнимку. Тут без него явно не обошлось. Но ты не думай, он ничего неподобающего не делал, – спохватился Элмар. – Поколдовал, наверно.

– Вот это номер... А она мне не сказала.

– Может, и мне не следовало говорить? – запоздало спохватился первый паладин.

– Теперь уже поздно. Сказал так сказал. Я ей не признаюсь, не переживай. Но любопытно все-таки... Неужели он правда маг? Надо будет Мафея спросить, не заметил ли он чего интересного?

Элмар помрачнел и задумчиво посмотрел на бокал в сво-

ей руке. Потом подумал и поставил на стол.

– Жак, – сказал он, продолжая исследовать цвет вина в бокале. – Скажи, я действительно слишком много пью, или это у моего кузена... преувеличенные опасения?

Шут пожал плечами.

– Нашел у кого спросить. Я же не в курсе, сколько для тебя много, а сколько нет. Он тебя лучше знает. А с чего ты вдруг об этом?

– На днях Шеллар мне прямым текстом заявил, что я спиваюсь. Жак, скажи честно, это так?

– Я тебе что, врач-нарколог? – жалобно уставился на него шут. – Спроси у специалиста. Или хотя бы у Ольги.

– А Ольга что, специалист?

– Да нет... Но в ее время алкоголизм был массовой проблемой, и официальная пропаганда на каждом углу вещала о его вреде... ну, и население просвещали по этому вопросу. Хотя население все равно продолжало пить. Ольга много об этом знает, она как-то при мне королю рассказывала.

– Так вот почему она так много пьет! – оживился Элмар. – Это просто традиция ее родины! А я уж боялся, что с ней что-то не в порядке.

– Слушай, – не утерпел Жак. – Что Ольга пьет много, ты замечаешь, а сколько пьешь ты – должен считать я, так получается? Вот сядь сам и подумай, много ли ты пьешь, часто ли ты это делаешь, помнишь ли себя, как напьешься и как себя чувствуешь наутро. Должен заметить, что Ольга всегда

все помнит и у нее не бывает похмелья.

– Ты опять об охоте? – нахмурился принц-бастард. – А я совсем о другом. Вчера я сидел, вспоминал позавчерашний вечер и чуть со стыда не сгорел. Я ведь до того допился, что разоткровенничался с малознакомым человеком о таких вещах... о которых никогда ни с кем не говорил.

– Да ты постоянно это делаешь, – пожал плечами Жак. – Вечно напьешься, чего-нибудь отмочишь, а потом две недели страдаешь и стыдишься. И поди разберись, то ли ты по жизни такой и есть, то ли правда спиваешься. Так что или иди к специалисту, или разбирайся сам. Считаю, сколько пьешь, записывай и выводил статистику.

– Я тебе что, алхимик? – обиделся Элмар. – Я не знаю, как это делается.

– Ну, без статистики просто посмотри и разберись. Но лучше сходи к специалисту. Или стыдно?

– А тебе бы не стыдно было?

– Мне? Нет. Я же не принц. Я так... болтающееся при дворе нечто, которое при случае можно использовать и подставлять. А тебе могу дать еще один совет. Когда хочется выпить, попробуй отказаться от этого желания, и посмотри, насколько трудно это окажется. А то ты сначала выпил кварту или полторы, а потом задумался...

Элмар скорбно задрал брови и с болью в голосе произнес:

– Жак, не говори так...

– А делать так – оно ничего, можно? – проворчал Жак. –

Я вчера вообще хотел уехать из этого города куда подальше... но пришел Мафей, глазами похлопал, потом Тереза пришла... И понял я, что просто не смогу. Не найдется у меня сил бросить их и уехать. А вы... а пошли бы вы с вашими государственными проблемами, с вашей честью и вашим благородством и извинениями вашими... великие комбинаторы! Завтра подам в отставку, сменю квартиру, найду другую работу, женюсь... и больше ни за какие хряпки не буду иметь дел с королями и прочими наследными принцами.

– Ты серьезно? – ужаснулся Элмар.

– А что, у меня, по-твоему, есть настроение шутить?

– Ты хочешь от нас уйти? Жак, не надо, прошу тебя. Поговорите и помиритесь. А то ведь он от тебя не отстанет, он же настырный... Это все я виноват, хочешь, набей мне морду, я и сопротивляться не стану.

– Спасибо, – проворчал шут. – Такие предложения мне неинтересны. Нашел тоже удовольствие – морды бить. Ты б еще рыбьего жиру предложил.

– Жак, я тебя очень прошу... Ну хотя бы не уходи вот так, скажи ему, что обижен, что не желаешь иметь с нами дела, и все такое... но не уходи молча.

– Еще одна гениальная идея! – фыркнул Жак. – Прийти к полуживому человеку и высказывать претензии. Ты как придумаешь что-нибудь... Может, потом скажу. Когда выздоровеет. А может, и молча уйду. Не знаю. Пока я пойду, пожалуй, домой. А ты посиди, у тебя еще кварта вина осталась,

Вот и проверь, сможешь ты ее не допить или нет.

Глава 2

– Как ваше здоровье, Рабинович?

– Не дожидетесь!

Старый одесский анекдот

В комнате для посиделок царило необычайное оживление. Придворные дамы дружно хохотали и обсуждали что-то очень забавное. Даже тихая Акрилла развеселилась так, что уронила свой неизменный роман и не заметила. А ее новенькая подружка Вероника, такая же молоденькая, и вовсе уже стонала со смеху и не могла сказать ни слова. Она вообще была хохотушка и смеялась по любому поводу.

– Что у вас веселого? – спросила Эльвира, снимая перчатки и пелерину. – Какие-то новости?

– Селия вернулась, – сообщила Камилла. – Ты бы ее видела!

– А что, она пьяная или в неподобающем виде?

– Откуда ты знаешь? – изумилась Анна.

– Знаю, – улыбнулась Эльвира и присела в свободное кресло. – Я только что ходила проведать Киру и встретила там Ольгу. Мы с ней немного прогулялись и зашли пообедать в «Эльфийскую лютню»...

– Ольгу туда пустили? – снова изумилась Анна. – Или сегодня она оделась прилично?

– Анна, не будь дурой, – хмыкнула Камилла. – Теперь Ольгу пустят везде, в каком бы виде она ни явилась. Ее голубые штаны отныне не являются одеждой неподобающего вида, теперь это – символ победы. Могу поспорить, что через луну-другую полгорода будет носить такие же. Они наверняка войдут в моду и даже станут считаться особо шикарными. Во всяком случае, среди воинов. Ну, так что Ольга?

– Она мне рассказала кое-что про Селию.

– Ольга знала, где маркиза была все это время? – уточнила Акрилла.

– Конечно, она же присутствовала при всем этом веселье. Когда Селия вломилась к его величеству подсмотреть экзотические любовные утехы, там как раз планировали операцию по уничтожению дракона. И чтобы наша бестолковая подружка не путалась под ногами, ее отправили в башню к Этель. Это все я слышала еще в Сорелло. А сегодня Ольга рассказала, чем наша Селия занималась в заключении. Хотя увидеть своими глазами было бы интереснее.

– Точно, – согласилась Камилла. – Это надо было видеть. Пьяная маркиза в халате нараспашку бредет, шатаясь, по коридору и говорит по-хински...

– Это как же надо было напиться, чтобы заговорить по-хински! – восхитилась Эльвира. – Вот теперь уж все мужики ее будут. Сойдет за особо образованную. Она, наверно, кроме языка постигла и тайное искусство хинских жриц любви...

– Возможно, – пожала плечами Камилла. – Но король ее теперь точно отставит. А, принимая во внимание то, что он как раз всерьез собрался жениться, для нее это будет трагедия.

– Дамы, о чем вы говорите! – жалобно посмотрела на подруг Эльвира. – Даже если он и соберется жениться, не на Селии же!

– Это ты ей объясни, когда она проспится и закатит истерику, – вздохнула Камилла. – Она тебе еще припомнит твой дурацкий совет и тебя же сделает виноватой.

– Пусть только попробует! Я тогда королю настучу, что она по пьянке о нем говорила.

– А что она говорила? – заинтересовалась Анна.

– Так я вам и сказала! Чтобы вы раньше меня сами настучали?

– У Анны, как всегда, ума хватает только на прямые вопросы, – хихикнула Камилла. – Лучше расскажи подробнее, что же тебе Ольга сказала о Селии.

Эльвира охотно поведала дамам о незадачливой маркизе, которая спешила попасть на оргию. История вызвала новый приступ истерического смеха.

– Ой, не могу! – стонала маленькая и пухленькая, как хомечок, Вероника. – Ой, умора! Она что, правда такая дура? Решила, что мэтр тоже участвует в оргиях?

– Самое веселое, что Селия готова была отдаваться на столе даже троим мужчинам, лишь бы ее приняли в компа-

нию! – хихикала Анна.

– Трое мужчин – это мелочи, – усмехнулась Камилла. – Самое забавное, что она всерьез поверила, что это оргия и что ее там убьют.

– А ее теперь прогонят? – спросила Акрилла.

– Может, и прогонят, – мурлыкнула Камилла. – А может, и нет. Смотря какое настроение будет у его величества. И в зависимости от того, настучит ему Эльвира или нет... Эльвира, а что это у тебя в сумочке? Банка какая-то?

– Варенье, – ответила Эльвира. – Вам-то что?

– На сладенькое потянуло? – подмигнула Анна. – Не беременна ли ты часом?

– Шуточки у тебя! – оскорбилась Эльвира, а сама подумала, что шутки шутками, а ведь от эльфа можно запросто и забеременеть, несмотря на все предохранительные заклинания. И как этот общеизвестный факт не пришел ей в голову раньше? Даже не спросила этого Карлсона... Надо же было настолько голову потерять! Вот будет потеха, если он больше не прилетит, а память от него на всю жизнь останется... – Я вообще люблю варенье, – решила прекратить разговоры на эту тему Эльвира. – Просто редко позволяю себе сладости, чтобы фигуру не испортить.

Сделав такое заявление, она демонстративно запустила руку в вазочку с конфетами, схватила полную горсть сладостей и высыпала в свою сумочку.

– Пойду к себе, – сказала она. – Переоденусь, потом по-

дойду. Или не приду, не знаю.

– А что это тебя действительно на сладкое потянуло? – удивилась Камилла. – От Ольги научилась? Так ты смотри, Ольгу сколько ни корми, она доской была, доской и останется, ей хоть бы что, а твоя фигура может и не выдержать.

– Это у меня на нервной почве, – пояснила Эльвира и поспешила покинуть подруг, чтобы не вдаваться в дальнейшие обсуждения.

В комнате ее ждал сюрприз. Он сидел на подоконнике, обхватив колени руками, и печально смотрел в окно. Эльвира поспешно нащупала задвижку и заперла за собой дверь, чтобы никто неожиданно не вошел.

– Карлсон, – ахнула она. – Что ты здесь делаешь днем? Или домой не попал?

Он обернулся и виновато посмотрел на Эльвиру. Глаза его были несчастными, как у побитой собаки, и какими-то больными.

– Извини, – сказал мистралиец, и она услышала, что голос Карлсона дрожит, будто он собирается вот-вот заплакать. – Я не хотел тебя беспокоить, но... это единственное место, куда я могу безошибочно телепортироваться. Я уйду, как стемнеет.

Эльвира бросила в кресло пелерину, перчатки и шляпку и подошла к нему.

– Что случилось? У тебя опять неприятности? Я могу чем-то помочь?

– Вряд ли, – вздохнул Карлсон и снова виновато посмотрел на нее. – Просто сегодня я услышал о себе очень много неприятных и обидных слов... и, что самое противное, это все совершенно справедливо.

– От начальства попало? – пожалела эльфа Эльвира. – Ну не переживай так. Хочешь варенья?

– Хочу, – печально кивнул Карлсон. – А у тебя есть варенье?

– Есть, – засмеялась Эльвира. – Я сегодня специально купила на случай, если ты вдруг прилетишь.

Гость грустно улыбнулся:

– Как в сказке? «Я самый тяжелый больной в мире»?

– Совершенно верно. А я буду тебе родной матерью и стану лечить вареньем, – снова засмеялась Эльвира и ласково потрепала беднягу по челке. – А потом ты успокоишься и пожалуешься мне на свое бессердечное начальство, а я тебя пожалею.

– Спасибо, – снова улыбнулся он и спрыгнул с подоконника. – Приятно, что хоть кто-то рад меня видеть и готов посочувствовать. Хотя, в общем-то, жаловаться мне особенно не на что, сам виноват...

– Виноват или нет, все равно неприятно, когда тебя ругают. Давай я прикажу подать чаю, а ты пока спрячься в ванной, чтобы слуги не увидели. Только сиди тихо и воду больше не кипяти.

В королевской спальне было сумрачно, хотя на улице во-

всю еще светило солнце. Тяжелые темные шторы были плотно задернуты, чтобы свет не раздражал его величество, которого нервировало решительно все. В том числе и эти самые шторы, за которыми не видно было солнца, а Шеллара III как никогда живо интересовало, скоро ли проклятое медлительное светило склонится к закату. На закате должен был прийти придворный маг с очередным обезболивающим заклинанием, и этого момента король ожидал как великого блага. Он уже успел сто раз проклясть свое патологическое трудолюбие, свои бредовые идеи насчет заседания, изобретателя стимулирующего эликсира, всех своих министров и персонально графа Монкара, покойных членов Комиссии, растяпу-дядюшку, собственное скудоумие и несообразительность, небрежное отношение к хранению доспехов и уходу за ними, и в особенности неизвестного стрелка, имя которого так и не попало в историю.

Король пребывал в одиночестве – так как ему стыдно было стонать при подданных, то он всех выгнал вон. Дурманящее действие эликсира, которым его напоили после заседания, давно закончилось, оставив только тяжесть в голове. А боль вернулась. Шеллар пытался как-то с ней бороться, отвлекаться, о чем-нибудь размышлять, но ни о чем постороннем думать не получалось. Мысли перемешивались, обрывались и тут же расползались, а обмануть боль не удавалось. Отчаявшись сосредоточиться хоть на чем-нибудь, король прикрыл глаза и просто стал ждать заката. Он лежал в

тяжелом, душном полузабытьи, прислушиваясь к дергающей боли в воспаленной ране, и мысленно упрекал себя в мало-душии. «С Элмаром такое бывало много раз, – уговаривал он сам себя. – Это не страшно. Можно стерпеть не скуля. Неужели я хуже кузена? Неужели слабее этого несчастного мистралийского барда, который молчал, когда ему крошили руку хлебoreзкой?» Уговоры помогали мало. Примеры терпения и мужества, которые его величество сам себе приводил, тоже не были достаточно эффективными. Он то и дело стискивал зубы, стонал вполголоса и мысленно осыпал ругательствами темные шторы, через которые не видно было, скоро ли закат, а также свое патологическое трудолюбие... и далее по кругу.

Услышав, как скрипнула дверь, король приоткрыл глаза и увидел, как кто-то тихонько входит в комнату.

– Мэтр? – с надеждой позвал он, подавив очередной стон.

– Нет, – негромко ответил вошедший и направился к стульчику Мафея. – Это я.

– Жак... – неуверенно выговорил Шеллар и замолк, не зная, что сейчас услышит в ответ. То ли его личный шут пришел, потому что простил, то ли решил высказать все, что думает о таких друзьях, перед тем, как уйти навсегда...

– Угу, – гость взгромоздился на стульчик, поставив ноги на перекладину, точно как Мафей, и, дотянувшись до тумбочки, зажег свечу. – Пусть будет светлее, а то не видно ничего. Вам не мешает?

– Нет, – чуть качнул головой король и посмотрел на Жака, пытаясь определить, что же он все-таки скажет. А тот молча смотрел на его величество, тоже, видимо, чего-то ожидая или не зная, как начать. Король не выдержал.

– Прости, – тихо сказал он и стиснул зубы, чтобы не застонать вслух.

– Что, плохо? – сочувственно качнул головой Жак. – Да не стесняйтесь, никто вас не услышит. Мэтр звукоизолировал вашу спальню. Звонок у вас проведен прямо в комнату прислуги, если здесь дернете – там услышат. А в комнате можете хоть в полный голос кричать... Ни одна живая душа не услышит.

По всей видимости, себя он не учитывал. Либо не считал за живую душу.

– Жак...

– Да не сержусь я, не сержусь. Не могу я долго сердиться. А вы этим пользуетесь... Пошутить вам про что-нибудь? Или смеяться трудно?

– Не знаю... не пробовал, – признался король, не помня себя от облегчения. Ему даже показалось, что боль стала вполне терпимой и не столь уж мучительной.

– Ну попробуйте, если не боитесь. Хотите свежайшую хохму? Это не шутка, а правда. Вам опять гроб сделали.

Короля немедленно разобрал смех, и он понял, что смеяться все-таки больно.

– Ты так больше не шути... – попросил он, с трудом сдер-

жав вскрик. – Больно смеяться... Который час?

– До заката еще почти час. Уже недолго. Я с вами посижу, поразвлекаю вас, хотите? Или вам лучше, чтобы никто не мешал?

– Спасибо... посиди.

– Что-нибудь хотите?

– Курить! – простонал король. – Двое суток... рехнуться можно!

– Что, мэтр воспользовался вашим бедственным состоянием и запрятал трубку? – сочувственно улыбнулся Жак и прикурил сигарету от свечи. – Держите. Смотрите только, не подпалите одеяло. А голова у вас не закружится?

– Она и так кружится, – отмахнулся Шеллар, глубоко, с наслаждением затянулся и блаженно улыбнулся.

– Как мало надо человеку для счастья, – улыбнулся в ответ Жак. – Ну, что вам рассказать? Какие-нибудь новости? Или что-нибудь загадочное?

– А у тебя есть что-то свеженькое? – оживился его величество.

– Есть. Во-первых, у меня загадочным образом состоялась личная жизнь. Неожиданно и внезапно. Вот вчера еще не было, а сегодня уже есть. Тереза молчит и пожимает плечами, а Элмар утверждает, что всей этой радостью я обязан некому мистральскому товарищу... как будто я и так ему мало обязан!

– Да, – кивнул король. – Это он. Спроси Мафея, он видел.

– Только и всего? А я-то думал, это окажется что-то загадочное, над чем можно будет голову поломать... Но раз вы все лучше меня знаете, вот вам еще интереснейшая фенька. Опять же насчет нашего друга из солнечной Мистралии, дон Диего Тенорио. Откуда он, кстати, такую фамилию взял?

– Да фальшивая, плюту ясно.

– А, вспомнил. Это из классической драмы, да? Что-то типа местного Отелло? Ну бог с ней, с фамилией. Мне не дает покоя вот какой вопрос. Откуда он знал... вернее, как он догадался, что это буду я, если этого никто, кроме вас, не знал, даже я сам?

– Ты его спрашивал?

– Разумеется. И он мне ответил, что он, дескать, увидел, как Элмар передвинул меч, и понял, что это для меня. Так вот, это полная фигня. Он понял все немного позже.

– Почему ты так считаешь? – переспросил король.

– Ладно, попробую по порядку. Вот он сидит рядом со мной... Кстати, он знал, зачем вообще его туда посадили?

– Частично. Он был в курсе, что его эманация должна кого-то активировать.

– Но кого – не знал? Значит, я правильно понял. Сидит, ждет своего любимого гимна и никого не трогает. Кроме меня. Меня дон Диего поминутно достает вопросами, где я бывал и где он мог меня видеть. И думает все это время только об этом. Мистралиец засек этих стрелков на галерее намного раньше, чем сказал о них. Почему? Потому что полагал, что

стрелять будут в него. Вот заканчиваются выступления аристократов, Элмар передвигает меч, Диего это все видит, но по-прежнему сидит и молчит. То есть, на этот момент он еще ни о чем не догадался, а мне он просто клипсу сдернул. Вот встаете вы и даете мне слово, а он по-прежнему сидит и помалкивает. Вот встаю я, говорю пару слов, поскольку больше ничего сказать не в состоянии, сажусь, и тут этого мыслителя осеняет. Он начинает щупать меня на предмет кольчуги и спешит сообщить Элмару о стрелках. Вывод: пока я говорил свои несчастные пару слов, он все понял. Абсолютно все: кто активизируется, что сейчас будет, как это случится и в кого станут стрелять. Он не сводил с меня глаз, пока говорил свою речь, и очень точно определил момент трансформации. Так вот, мне было бы очень интересно знать: как этот мистралиец обо всем догадался? Мне очень неприятно и как-то боязно даже предполагать, что он вспомнил, где меня видел...

– Интересно... – согласился король и с сожалением посмотрел на окурок. – Дай-ка мне еще сигарету. Это надо крепко обдумать... то есть, полежать и немного поразмышлять.

– А вам не много будет? Ну ладно, держите, только не кашляйте потом, кашлять тоже будет больно, как и смеяться. Так что, мне помолчать, будете думать?

– Не сейчас, – вздохнул Шеллар. – Я не в состоянии сосредоточиться. Потом. Расскажи еще что-нибудь. Как там все?

...

– Мне вторую ночь кошмары снятся, такие, что спать страшно.

– Мне тоже, – снова вздохнул король.

– Вам? – удивился Жак. – Да вам-то почему? Вы же совершенно спокойно можете наблюдать что угодно. Или это потому, что вам плохо?

– Может, потому... Не знаю.

– А что вам снится?

– В основном – что я женюсь.

Жак не выдержал и захихикал.

– Тебе смешно? – покачал головой Шеллар III. – А я дал Элмару слово.

– А конкретные сроки указали? – хитро прищурился шут.

– К сожалению. До лета.

– Вот и чудненько, – улыбнулся Жак. – Наконец-то вы и в самом деле женитесь. Решили, на ком?

Его величество страдальчески поморщился.

– Не надо об этом. А остальные как?

– Остальные... Вот Элмар, к примеру, крепко задумался над вопросом: не много ли он пьет.

– Наконец-то...

– Не радуйтесь раньше времени, неизвестно, до чего он додумается. Вдруг решит, что наоборот, пьет слишком мало.

– Не шути так. Тебе смешно, а у меня кузен спивается.

– Да почему вы так решили? Может, все не настолько страшно, тем более, что он все-таки об этом задумался! А

еще он мне рассказал, как вы страшны в гневе. Кстати, а почему вы Монкара не посадили?

– Потом объясню. Долго рассказывать.

– О ком вам еще рассказать? О Терезе я уже говорил... Ольгу еще не видел. Киру тоже не навещал. Встречал Эльвиру вчера утром, когда мы расходились по домам. Зашел к ней посмотреть, как она там. Стоит у окна и мечтательно смотрит вдаль, как будто к ней Карлсон прилетал. Так что с ней все в порядке.

Король нахмурился, словно вдруг вспомнил что-то важное.

– Жак, – спросил он. – А скажи честно, Эльвира до сих пор меня проклиняет за то...

– Да почему вы решили, что проклиняет? Она просто осталась в твердом убеждении, что вы никудышний любовник, потому как грубы и неуважительны к партнерше. А кто виноват?

– И она всем это говорит?

– Ах, вон в чем дело! – догадался Жак. – Вы опасаетесь, что будущая королева наслушается о вас нелюбезных суждений? В общем-то, такое может случиться. А вы поговорите с Эльвирой по душам, извинитесь по-человечески, а не так, как на церемонии, и попросите держать язык за зубами, потому как вам жениться надо... срочно. Она поймет. Или вы в качестве искупления на ней и решили жениться?

– Я же просил – об этом ни слова.

– О женитьбе? А почему, собственно? Давайте уж поговорим. Считайте это маленькой ответной пакостью от меня, – ухмыльнулся шут. – И не надо глаза закатывать. Почему вам так не хочется жениться? Я понимаю, это нелегкое решение, но я вот, к примеру, на Терезе женюсь. Как только оправится от удивления, тут же вспомнит, что она честная католичка, что мы живем в грехе, и немедленно мне об этом напомнит. И я сопротивляться не буду – женюсь.

– Потому что ты ее любишь, – проворчал Шеллар.

– Вам-то кто не дает? Полюбите и вы кого-нибудь. И не фиг рассказывать сказки о том, что вы не можете. А то я не знаю, что вы до сих пор бережете ту сережку, что Валента потеряла у вас в постели. Даже на шее носите.

– Я не потому ее ношу, – возразил король.

– А почему?

– Вот приставучий! Только не говори никому... Она приобрела волшебную силу!.. Не знаю, каким образом. Я ее ношу как амулет.

– Амулет? А от чего? – изумился Жак.

– От любовной магии.

– Так вот оно что! – засмеялся шут. – Бедные придворные дамы! Несчастливая ведьма! И бедняжка Азиль. Она до сих пор думает, что виной всему матовая сфера, и переживает за вас. Вы хоть ей скажите... впрочем, нет, ей говорить нельзя, через сутки будет знать весь город. Но дело, собственно, не в этой сережке. Вы все равно изволили влюбиться, ваше

величество, крепко и надолго. Так что вполне умеете и можете. Не хотите только, но это уже другой вопрос. И очень интересно было бы знать почему?

– Не твое дело, – проворчал король. – Я уже говорил об этом с мэтром.

– А со мной не желаете?

– С меня и мэтра хватило. Отвяжись.

– А вот не отвяжусь. Сдается мне, что есть один хороший способ заставить вас захотеть. Достаточно напоить так, чтобы вы перестали соображать, а затем угостить чем-нибудь вроде той же травки или приснопамятной фанги. Тогда вы сразу растормозитесь и забудете, что вы чего-то не можете и не хотите. Правда, активных действий от вас все равно не дождешься, так что, боюсь, придется вашей даме самой явиться в королевскую спальню...

– Где она до утра будет пытаться меня разбудить, – сердито отозвался король. – Перестань издеваться над больным человеком. Опять розовых слонов захотелось? Не дождетесь! И оставь меня в покое, сколько можно просить?! Я тут король или хрен собачий?

– А как вы сами думаете? – проворчал Жак.

– И не хами королю! – Его величество попробовал засмеяться, но тут же вскрикнул и закусил губу.

– Простите, – покаялся шут. – Я не хотел вас смешить, само вырвалось. Больше не буду. Уже недолго осталось, потерпите. Совсем чуть-чуть. Солнце практически село. Луч-

ше давайте подумаем, что мы мэтру скажем. Вы же накурили в комнате, он сразу унюхает.

– Мне все равно. Хуже уже не будет.

– А я?

– Пострадаешь немного за короля и отечество, – назидательно сказал король.

Мэтр как чувствовал, что о нем зашел разговор, и появился еще до того, как Жак успел ответить.

– Добрый вечер, – сказал он и тут же стал принюхиваться. – Кто здесь курил?

– Я, – ответил король. – Добрый вечер, мэтр. Кстати, где моя трубка?

– И думать забудьте, пока не поправитесь. А ты, дрянной мальчишка, еще раз посмеешь его угощать, больше сюда не войдешь, – сдвинул брови мэтр Истран.

– Мэтр, прошу вас, – жалобно попросил его величество. – Верните мне трубку. Когда я курю, мне становится легче.

– Ни в коем случае. И не просите.

– Тогда я приказываю.

– У себя в кабинете будете приказывать. А пока я занимаюсь вашим лечением, извольте меня слушаться. – Маг обернулся к Жаку и строго посмотрел на него: – А ты изволь убраться отсюда и не утомляй его величество глупыми разговорами. Даже не пытайся подсунуть под одеяло коробочку с сигаретами, которую ты прячешь в кармане. Я все вижу.

Жак скорчил уморительную рожицу и развел руками.

– Сдаюсь. Вы меня сделали, мэтр. Спокойной ночи, ваше величество.

Он прыгнул со стульчика, шутливо раскланялся и шмыгнул за дверь. Мэтр Истран приблизился к королю, занес руку, потом вдруг остановился и спросил:

– А скажите, ваше величество, если бы вам предложили на выбор – обезболивающее заклинание или трубку, что бы вы выбрали?

– Это сложный вопрос, – серьезно сказал Шеллар III. – Тут надо сесть и крепко подумать. Трубки три придется выкурить, не меньше. А выкурив три трубки и крепко подумав, я выберу заклинание.

– Все шутить изволите? – покачал головой придворный маг и повторил вчерашнюю процедуру с невидимым гвоздем.

Король вздохнул с неописуемым облегчением и вытянулся поудобнее.

– Будете спать, ваше величество, или желаете побеседовать? – спросил мэтр, с улыбкой наблюдая за ним. – Только, разумеется, тему курения можете сразу считать закрытой.

– Что ж делать, – смиренно согласился Шеллар, втайне надеясь, что верный шут все-таки что-нибудь придумает. – Присаживайтесь, можно и побеседовать. Только я вас умоляю, не о женитьбе, Жак меня уже утомил этой темой. Понимейте хоть вы сочувствие, пока я не поправлюсь. Кстати, долго мне еще так лежать?

– У вас опять нашлись какие-то неотложные государственные дела? – Мэтр остановился, не дойдя до стула, и приготовился к новой битве.

– Нет... Впрочем, они всегда есть, но я спрашиваю, просто чтобы знать.

– Вы сами почувствуете. Еще несколько дней. И убедительно вас прошу больше не подвергать организм подобным перегрузкам. Потерпите. Тем более, это заседание вполне могли провести и без вас.

– Без меня? – нахмурился король. – Тогда с кем же? С моим с утра пьяным кузеном?

– Вы несправедливы к его высочеству. Он вовсе не был пьян. Кстати, не будете ли вы так любезны хотя бы сейчас объяснить, что у вас там произошло на заседании? Я не стал расспрашивать днем, видя, в каком вы состоянии, а его высочество очень быстро исчез.

– А что? – безмятежно спросил Шеллар.

– Да ничего особенного, только шум стоял такой, что дворец трясся и стекла звенели. И потом все придворные маги до обеда бегали как подстреленные гоблины. У графа Монкара сердечный приступ, у казначея поднялось давление, у министра иностранных дел инфаркт, еще было четыре сосудистых криза, два сердечных приступа, два нервных припадка и один тяжелый случай внезапного заикания.

Его величество затрясся от беззвучного смеха.

– Вам смешно, ваше величество? Поделитесь же со мной

вашей радостью, что произошло на заседаниях?

– Да ничего выдающегося. Было бы от чего в обморок падать! Между прочим, Зиновий на каждом заседании вытворяет даже похлеще этого – орет, ругается, пинает кресла и посохом по столу лупит что есть силы. И, между прочим, никаких инфарктов и прочих заиканий. А наши господа просто какие-то все изнеженные. Не плюнь на них! Никогда короля в гневе не видели.

– Жаль, – улыбнулся придворный маг.

– Что – жаль?

– Жаль, что меня там не было. Хотел бы я посмотреть на короля в гневе. Значит это вы там кричали так, что вылетели стекла? Тогда понятно, почему вы вернулись в таком плачевном состоянии. Не бережете себя, ваше величество, – покачал головой мэтр. – Зачем вам понадобилось туда ходить? Флавиус бы прекрасно справился.

– Мэтр, – укоризненно отозвался король. – Если все сваливать на Флавиуса, наши господа так и не вспомнят, кто у них король. По-моему, они искренне верят, что король – это такой специальный господин, который тут околачивается, чтобы им было над кем посмеяться. Неужели вы не рады, что я научился гневаться?

– Рад, конечно, – согласился мэтр. – А как вы себя чувствуете сейчас?

– Замечательно. Мне так хорошо... Я вас еле дождался.

– Понимаю, – кивнул волшебник. – К сожалению, переры-

вы делать все равно придется, так что потерпите несколько дней. Потом станет легче. Это весьма неприятно, но я полагаю, вы справитесь.

– А куда я денусь? – король слегка пожал здоровым плечом.

– Это верно, никуда... Когда поправитесь, настоятельно рекомендую поехать куда-нибудь к морю отдохнуть. Вы в этом крайне нуждаетесь.

– Может быть... Не знаю... Во всяком случае, сначала же-нюсь.

– Вы столь решительно настроены?

– Я же дал слово. Мэтр, а вы мне ничего не посоветуете по этому поводу? Я в полной растерянности, если честно. Вы там что-то говорили о конкретных кандидатурах...

– Ваше величество, – серьезно сказал придворный маг. – Скажите честно: вы хотите быть счастливым?

– А это возможно?

– Вполне. Просто прислушайтесь к тому, что подскажет вам сердце. Оно ведь у вас не каменное. И оно обязательно даст вам знать, когда вы встретите ту единственную, которая способна сделать вас счастливым. А когда ваше мудрое сердце подпрыгнет, ударится о ребра и скажет «это она!», не возражайте ему, оно знает лучше. Дайте волю и следуйте его велениям.

Его величество тяжело вздохнул:

– А она возьмет и откажет.

– Знаете что? – не выдержал мэтр. – Давайте вернемся к этому разговору, когда поправитесь. А то вы начинаете ныть и жаловаться. Если откажет, женитесь на старшей дочери Агнессы и покончите с этим неприятным делом. Все равно принцесс больше нет.

– Мэтр, вы шутите! – ужаснулся король. – Ей же семнадцать лет! Да еще такая наследственность!

– Что вы, ваше величество! Ни одной из трех галлантских принцесс король Луи IX не приходится отцом. А что касается возраста... Первого любовника принцесса завела еще в тринадцать, так что вам не придется ее ничему учить.

– Простите, мэтр, но если мне все равно придется жениться на шлюхе, то лучше уж пусть будет Камилла.

– По-моему, вы устали, ваше величество, – засмеялся мэтр. – Давайте к этому разговору вернемся, если ваша избранница вам действительно откажет. А пока – спокойной ночи.

Король, вздохнув, попрощался со старым волшебником, и мэтр удалился, не прибегая к телепортации, через дверь, как обычные люди. А как только его шаги затихли в коридоре, появился принц Мафей. Он возник из серого тумана прямо на своем любимом стульчике и заулыбался, видимо, радуясь точному попаданию.

– Ты что, специально ждал, когда мэтр уйдет? – улыбнулся Шеллар.

– Да, – честно признался Мафей. – А ты меня засек?

– Просто догадался. Проведать решил?

– Конечно. Я по тебе соскучился. На вот, Жак просил тебе передать, – на одеяло мягко шлепнулась коробочка с сигаретами.

– Спасибо! – умилился король и немедленно потянулся за свечой, чтобы прикурить. Мафей с интересом понаблюдав за его действиями, чуть склонив набок голову, и вдруг спросил:

– Шеллар, а эльфы курят?

– Понятия не имею. У мэтра спроси. Никогда не видел курящего эльфа... Стой, ты о чем это? Не смей и пробовать! Уши оборву! Мал еще!

– Шеллар, хоть ты оставь в покое мои уши! – обиделся принц. – Я уже не маленький! Сколько лет было тебе, когда ты начал курить?

– Двенадцать, – честно признался король. – Но я же человек. А гоняли и наказывали меня за это лет до шестнадцати.

– Правда? – оживился Мафей. – Тебя тоже наказывали?

– Конечно. Мэтр был категорически против курения, особенно в моем возрасте. А мне хотелось быть взрослым и самостоятельным.

– А за что тебя еще наказывали?

– Да, пожалуй, больше ни за что. В остальном я был послушным и благовоспитанным мальчиком. Ну разве что иногда за некоторые эксперименты. Я всегда был очень любопытным и любил экспериментировать... с разными вещами. Просто, чтобы посмотреть, что получится.

– Ты увлекался алхимией? – изумился принц.

– И алхимией тоже.

– А еще чем?

– Криминалистикой, психологией, биологией, даже астрологией немного, но это было самое невинное мое увлечение.

– А просто так ты никогда не шалил?

– Не припоминаю. Разве что за компанию с Элмаром, он вечно придумывал что-нибудь веселое.

– И вас наказывали, как и меня?

– Элмара наказывали.

– А тебя?

– Я не попадался. Даже результаты своих экспериментов ухитрялся скрывать. Хотя это не всегда удавалось... Однажды я, к примеру, устроил пожар в своей учебной комнате. Причем никого не позвал на помощь и потушил огонь самостоятельно, но последствия были катастрофическими – стол и занавески сгорели полностью, шкаф и две стены обгорели... И вот сижу я в своей погоревшей комнате и удрученно думаю, что же скажу мэтру, когда он это все увидит. И вдруг является кузина Нона, удивленно смотрит вокруг и спрашивает: «А что тут случилось?» Я объясняю что и какая у меня проблема. Нона подумала минут пять и выдала, на ее взгляд, бесценный совет: «Надо в комнате побрызгать духами, чтобы горелым не воняло, и никто ничего не заметит».

Мафей улыбнулся и спросил с живейшим интересом:

– Так ты придумал, как скрыть следы пожара, или тебе

все-таки попало?

– Конечно попало. Как можно скрыть обгоревшие стены?

– А вот если бы тебе, к примеру, нужно было скрыть только стол, что бы ты сделал?

Король пристально посмотрел на кузена и подозрительно поинтересовался:

– Малыш, что такое ты сделал со столом?

– Ты опять догадался? – скорбно вздохнул Мафей. – Я нечаянно завернул его спиралью.

– Стол? – изумился его величество. – Твой большой письменный стол? Как это возможно? И он не сломался?

– Местами сломался... – снова вздохнул Мафей. – Поколотил неудачно.

– Разумеется без спросу. И теперь боишься за это соответственного наказания.

– Конечно. Так можно что-нибудь придумать? – с надеждой спросил он.

– Единственное, что можно сделать – это заменить его на такой же, если найдешь. Или поколотить снова. Эх, Мафей, некому тебе все-таки уши намять... Как тебе такое удастся? Свернуть спиралью стол... А?

– Ты только мэтру не говори, – попросил принц. – Вдруг я все-таки смогу стол куда-то спрятать. А то он мне грозился уши надрать... Сказал, что это действенный метод моего воспитания, который даже на тебя в свое время произвел впечатление... А тебя он тоже за уши таскал?

– Нет, – усмехнулся король. – Меня он один раз отодрал ремнем.

– Это больно? – скривился его высочество.

– Очень.

– Больнее, чем за уши?

– Думаю, да. Но меня за уши не таскали, так что лучше спроси Элмара. Его в детстве и за уши драли, и ремнем, и даже кнутом, кажется. У него была очень суровая матушка. Варвары, что с них взять?

Мафей повертелся на своем стульчике, помялся, потом все-таки спросил:

– Шеллар, а как ты начал встречаться с девушками?

– Я с ними не встречался, – неохотно ответил король. – Об этом тоже лучше спроси у Элмара.

– Спрошу, – пообещал кузен. – Я всех спрашиваю. Вот и у тебя тоже. Как-то же ты начал?

– Мафей, мой опыт в этой области тебе не пригодится. Если тебе так уж интересно, все началось с того, что однажды мы с Элмаром напились, и он завел разговор о женщинах. Узнав, что у меня до сих пор никого не было – а мне тогда исполнилось семнадцать, – он пришел в ужас и немедленно потащил к каким-то знакомым блудницам... Так что это совершенно неинтересно, не романтично и весьма пошло, должен заметить. Тебе так начинать не рекомендую. Равно как и использовать то, что ты видел в моей спальне, в качестве примера для подражания. Понятно?

– Понятно, – согласился Мафей. – Хотя у тебя в спальне все равно темно и ничего толком не видно. Жаль, что я не могу видеть за пределами дворца...

– Что, на Жака хочешь посмотреть? Или на Элмара?

– Элмара я уже видел позавчера.

– Он знает? – коварно поинтересовался король.

– Нет! – испугался незадачливый наблюдатель. – Не говори ему! А то он тоже рассердится...

– Тоже? А кого ты уже успел рассердить?... А, имеешь в виду Кантора, когда он тебя засек и грозился оборвать уши? Ты смотри, он не посмотрит, что ты принц. Тебе не рассказывали, как он обругал графа Монкара и выставил из моей гостиной?

– Рассказывали, – повеселел Мафей. – Шеллар, ты же не скажешь Элмару? А то ведь правда рассердится.

– Да не скажу, не скажу. Иди спать, а то у нас разговор зашел совсем не о том... Да и устал я, если честно. Приходи завтра, расскажешь, что там с твоим столом.

– Ладно, – вздохнул эльф. – Спокойной ночи.

Глава 3

– Гвидо, ты уверен, что правильно понял инструкции?

Р. Л. Асприн

– Может, теперь ты объяснишь, в чем дело? – поинтересовался Кантор, оглядывая лабораторию мэтра Альберто. – С чего вдруг ты меня сдернул с задания и притащил телепортом неизвестно куда? И что за дурная манера завязывать глаза при телепортации? Что, наш маг настолько засекречен?

– Так надо, – угрюмо ответил Амарго, переодеваясь в мантию. – И вовсе не неизвестно куда, а в твой любимый Ортан. Задание у меня для тебя будет. Мне срочно нужен человек, который вхож в королевский дворец, а Стеллу я светить не хочу.

– Нашел тоже вхожего! – проворчал Кантор. – Кто меня туда пустит?

– Пусть тебя твои друзья проводят. Найдешь повод. Это очень важно и крайне срочно.

– Понял. Что я должен делать?

Амарго вздохнул и объяснил:

– Искать товарища Пассионарию.

– Во дворце? – Кантор слегка ошалел от такого поворота. – С какой стати он должен быть там? Начал наносить офици-

альные визиты королевским домам и снова потерялся?

– Баба у него завелась, – неохотно проворчал командир. – Ни много, ни мало придворная дама.

– У нашего идеолога роковая любовь? И он застрял у своей дамы дольше положенного? А тебе не кажется, что я буду выглядеть полным идиотом, когда явлюсь и начну звать его домой?

– Дело не в том, – Амарго снова вздохнул и задумался, формулируя ответ. – Мы с ним поссорились. Может, я что-то лишнее сказал, но достал он меня, до самых печенок достал! Этот паршивец додумался самостоятельно телепортироваться непонятно куда, и пять дней его носило по каким-то безлюдным местам, пока не вынесло сюда. В королевский дворец, где его и приютила придворная дама, в которую он тут же влюбился... Ну, ты же его знаешь, Пассионарио вообще влюбчивый товарищ. И он решил, что теперь уже научился телепортироваться, чтобы шастать на свидания. Я ему попытался это запретить. Он на меня обиделся, показал два пальца и исчез прямо из штабной хижины.

– Так его во дворце может и не быть? – уточнил Кантор. – Это только твое предположение?

– Это единственная надежда. Иначе я не знаю, где его еще искать.

– Понятно. И насколько сильно вы с ним поссорились? Что я ему должен сказать, если он и мне покажет те же два пальца и пошлет куда-нибудь с тобой вместе?

– Насколько сильно... не знаю. Я его часто отчитывал, как и тебя, и ничего подобного не случилось.

– Как и меня? Амарго, а кто из вас вообще у нас главный – ты или он?

– Формально – он. Но если его периодически не воспитывать, он все развалит.

– Так на кой нам тогда такой лидер? Свои пламенные речи он вполне может говорить в качестве кого-нибудь попроще. Ты же сам прекрасно знаешь, что он бард, да еще полуэльф, зачем было делать его главным?

– Так надо, – проворчал Амарго. – И не твое это дело. Что-то ты начал слишком много вопросов задавать.

– Извини. Я не знал, что это какая-то непонятная необходимость. Так что ты ему наговорил?

– Что он безответственный, бестолковый... ну, в этом духе. Запретил ему всякие эксперименты с магией и посулил надеть ошейник... И, разумеется, запретил шастать к своей даме. В ответ на это он показал мне два пальца и смылся. У тебя научился, что ли? Он всегда был спокойным и покладистым, а тут вдруг как с цепи сорвался.

– Послушай, а что ты от него хотел? Он тебе не мальчик – отчитывать его и что-то запрещать! Уж не знаю, зачем кому-то понадобилось делать его лидером, но раз сделали, хоть чуть-чуть его уважайте. Он такой же мужчина, как все. Конечно, годы бродяжничества немного пообломали его гордость, но это же не значит, что ее совсем не осталось. Понят-

ное дело, он обиделся. Ты ему почаще демонстрируй, что он только формальный лидер, он вообще однажды плюнет тебе в морду и уйдет.

– Вот я и боюсь, – вздохнул Амарго, – что он именно это сделал. Кантор, попробуй убедить его вернуться. Даже если он настолько обиделся... постарайся как-нибудь повлиять на него. Ты же был его наставником, даже пюпитром бил... Может, он тебя послушает?

– И что я должен ему сказать? Что он нам нужен? А если он спросит «зачем?», ответить, что мне этого знать не положено? Очень убедительно. Мне сложно будет его убеждать, потому что, на мой взгляд, он прав. Странно, что он не сделал этого раньше.

– Он нам действительно нужен. И именно в качестве лидера, которого все знают и за которым идут люди. А если мы придем к власти, именно он должен возглавить страну.

– Тогда как же наши заявления о реставрации монархии? Как только придем к власти, мы их благополучно похерим, как и многие до нас? Или товарищ Пассионарио сядет на трон и начнет новую династию? Или... постой-ка, он имеет законные права на этот трон, вот почему он нам нужен? Я правильно понял? Из-за этого мы его и держим? Так что, ты думаешь...

– Кантор, – устало перебил его Амарго. – У тебя приказ есть? Работай. Твои этические и политические соображения – твое личное дело. Убеждай, как хочешь.

– А от тебя лично что передать?

– От меня?... Передай, что нам с ним надо поговорить.

По-хорошему. Без матюков и комбинаций из пальцев. Пусть приходит сюда, он знает это место. Пойдем, я тебя выпущу через черный ход, чтобы поменьше народу видело.

Оказавшись на улице, Кантор огляделся, определил, где находится, и неторопливо зашагал к дому Ольги, на ходу обдумывая полученное идиотское задание.

«Ладно, попасть во дворец не проблема, можно сходить в гости к его подстреленному величеству или к тому же Мафею. Взять с собой Элмара или Жака... нет, лучше Элмара, он проще... и нахально напроситься. Но что делать дальше? С какой именно дамой развлекается товарищ Пассионарио? Там же не одна придворная и даже не две. Еще придется тащить своего провожатого к этой даме, ведь по дворцу тоже не положено просто так шляться всяким подозрительным мистралийцам. Тьфу ты, зараза, хоть так, хоть сяк, все равно кто-то лишний будет присутствовать. Не оставлять же его под дверью? И как определить нужную даму? Шантажнуть Камиллу? Можно и проколоться. Вполне возможно, что о ее сомнительном прошлом всем хорошо известно. Такие дамы не всегда стыдятся способа, которым заработали дворянство. Хотя вряд ли Камилла что-то знает, если только это не она сама. Наш идеолог наверняка и сам старается не светиться... В конце концов, Амарго не ограничивал сроков, так что можно сегодня просто сходить на разведку, а там

видно будет. Может, получится как-то с Мафеем задружиться, и он телепортом во дворец проведет... Проще просто-го, сосватать мальчишке какую-то девицу пониженной моральной устойчивости – и он наш друг навеки. Или просто пройтись по дворцу с ним и действительно познакомить его с Пассионарио, пусть общаются братья по разуму. Интересно, Амарго всерьез планирует посадить этого инфантильного полуэльфа на трон в случае победы? Он в своем уме? Долго ли тот продержится у власти на одних речах? Или будет по-прежнему... формальным лидером?

И как это понравится самому товарищу Пассионарио? Хотя, с другой стороны, и не такие бывали правители. Галлант до сих пор не развалился, несмотря на то, что у них король полный придурок и трезвым практически не бывает. Правда, там королева хваткая баба, на ней все и держится. Может, и нашего дорогого вождя планируется женить на какой-нибудь такой же толковой даме, чтоб не пропал? Интересно, как он сам к этому относится? А впрочем, не мое это дело, совершенно прав товарищ Амарго. Меньше знаешь – крепче спишь. Кстати, вот цветочная лавка, надо Ольге купить что-нибудь. А то за своими проблемами чуть о даме не забыл...

А если бы Амарго попробовал мне запрещать, – вдруг пришла в голову мысль, – что бы я сделал? Да ничего, я же телепортироваться не умею. А если бы умел? Совершенно верно. Именно то же самое. Показал бы ему два пальца и нагло телепортировался на фиг у него на глазах. И не пото-

му, что без нее жить не могу, просто из вредности, чтобы не лез в личную жизнь. Но мне он почему-то не запрещает, а даже, похоже, поощряет. Все надеется, что уйду? Не дождется. Не уйду. По крайней мере пока не победим... или пока не убьют.

Что же мне сказать нашему обиженному лидеру? Что «сам знал, куда шел»? Что «раньше думать надо было»? Что «теперь все на него завязано и отступать поздно»? Как-то все это неубедительно. Если бы мне такое сказали, я б наглядно продемонстрировал, что вовсе не поздно, и никто меня силой не заставит. А, между прочим, кое в чем Амарго прав. Нашел же наш дорогой предводитель, где свиданки устраивать – в королевском дворце! Эти его похождения продлятся ровно до тех пор, пока его величество не оклемается и не начнет наводить порядки. И тогда моментально заметит, что у его дамы имеется загадочный любовник, которого никто не видит, а только временами слышит. Взыграет у его величества любопытство, а уж если его что-то заинтересовало – точно Шанкар говорил – и сам изведется, и окружающих замучит. Не поленился ведь лично засесть у этой самой дамы и проверить, кто к ней тайком по ночам шастает, не шпион ли какой. И что тогда скажет наш идеолог? «Здрасте, ваше величество, будем знакомы – ваш будущий коллега»? С него станется...

К счастью, Ольга была дома. Но, к сожалению, не одна. На кухне кто-то возился, кажется, Жак.

– Ой! – обрадованно воскликнула девушка. – Как ты быстро вернулся! Вот здорово! Заходи, мы тут с Жаком борщ варим. Пообедаешь с нами? Осторожно, у меня руки грязные...

– Но губы-то у тебя чистые? – пошутил Кантор, обнимая ее и целуя в растрепанную челку. Присутствие Жака вдруг показалось ему совершенно излишним, равно как и какой-то там обед.

– А как же! – согласилась Ольга и чмокнула его в щеку. – Заходи на кухню.

Сегодня в ее жилище царил необычайный порядок. Не иначе, что-то большое-пребольшое в лесу сдохло... Дракон, к примеру.

– Привет! – весело сказал королевский шут, когда Кантор вошел на кухню. – Ты чего это элмаровы тапочки напялил? Свои пора бы завести. А то, не ровен час, увидит его высочество...

– Заведу, – кивнул Кантор. – Хотя должен сказать, что его высочество – большой и щедрой души человек, и не верю, что он бы пожалел тапочек для товарища.

– А вы с ним товарищи? – усмехнулся шут-кулинар.

– Мы с тобой одного класса, ты и я! – провыла Ольга, присаживаясь к ведру с картошкой. Поскольку фраза была исполнена явно не ольгиным голосом, это, видимо, была цитата.

– А, ты в этом смысле, – понимающе кивнул Жак. – Да я

шучу, вообще-то. Работа у меня такая.

Кантор присел на свободный стул и оглядел гору капусты на столе, которая стараниями королевского шута постоянно увеличивалась. Жак выглядел совсем не так, как в тот воскресный вечер, и теперь вполне соответствовал своей профессии. Вот, значит, какой он на самом деле, если его не огорчать и не пугать до смерти. Веселый, улыбочивый, общительный и наверняка большой шутник, раз достиг таких высот в своей профессиональной деятельности. А кто бы мог подумать... и Огонь у него слабенький, хотя для шута большего и не надо. Но когда они виделись впервые, он больше походил на вора. Тень у него солидная, неплохой должен быть вор. Да и Луч не хилый такой. С таким Лучом, да еще и с магическими способностями, из него вышел бы особо образованный и хитроумный вор, цены б ему не было. И чего ему пришло в голову избрать путь барда? Или именно из-за своих воровских талантов он так по-крупному встрял в Мистралии, что навеки зарекся этим заниматься?

– А что вы такое интересное готовите? – поинтересовался Кантор, утаскивая пару кусочков капусты.

– Борщ, – пояснил Жак. – На Ольгу напало хозяйственное настроение. Она устроила грандиозную уборку, а затем решила вдавиться в кулинарные эксперименты. Ты как, насчет незнакомых блюд, рисковый парень?

– Обожаю экзотические кухни, – заявил Кантор, принимаясь к ароматному мясному запаху из кастрюли. – Это

что-то из другого мира? Где-то я уже слышал такое название. Ах да, помню, был у меня один знакомый переселенец, который жаловался, что какого-то овоща не хватает для борща.

– Это наше национальное блюдо, – пояснила Ольга. – Только придется свеклу заменить тарбой, а помидоры – вельбой. Посмотрим, что получится.

– Получится борщ по-ортански, – хихикнул Жак. – Принципиально новое блюдо. А если хотела чего-то совсем домашнего, надо было щи сварить.

– Я не люблю щи, – заявила Ольга.

– Ты их просто не умеешь готовить, – возразил шут. – И вообще, раз уж это борщ по-ортански, он должен быть с плютом, а не со свиной.

– Вареный плют – это испорченный продукт, – не согласилась Ольга. – Плютов надо жарить.

– Видал специалиста? – хихикнул Жак, подмигивая Кантору и кивая на девушку. – Кстати, единственная из переселенцев, кто ест плютов. Я, если ты не слышал, обычно занимаюсь их адаптацией. Не плютов, а переселенцев. Так я с ними всегда экспериментирую: сначала кормлю плютами, а потом показываю, как это блюдо выглядело при жизни. После этого обычно все шарахаются, кричат: «И я съел эту жуткую ящерку?» – и больше в рот не берут.

– Не понимаю, – пожала плечами Ольга. – Ну и что? Ну, ящерка, ну, жуткая, так вкусная же. Мне гораздо труднее есть кроликов. Они симпатичные, и их жалко. А что, Тереза

тоже плютов не ест?

– Даже смотреть не может, когда их ем я.

– И Марк тоже? Он вроде как-то попроще...

– Марк полагает, что ящерку можно есть только тогда, когда больше нечего. А поскольку он не голодает, то до плютов дело не доходит.

– А ты и госпожу Гольдберг плютами кормил? – не отставала Ольга.

– Нет, знаешь, ей я сразу показал. Не рискнул. Женщина пожилая, вдруг ей плохо стало бы. И Терезу не кормил. Жалко стало. Мне как-то и в голову не пришло над ней подшучивать. Зато видела бы ты Дика... Он мне чуть морду не набил. До сих пор не понимаю, почему иностранцы так не любят плютов. Диего, ты не объяснишь?

– Нет, – откликнулся Кантор. – Сам я плютов люблю. И прочие экзотические блюда других стран. Даже хинскую печеную змею.

– Я смотрю, ты парень без предрассудков! – засмеялся Жак. – Любишь плютов, змей, «Пинк Флойд», а также девушек в джинсах и кроссовках?

– Девушек – особенно, – согласился Кантор. – А насчет музыки... Не знаю, куда смотрят местные барды? У них под боком пропадает совершенно не разработанный новый стиль, а они ушами хлопают.

– Сам и разработаешь, – посоветовал Жак. – Ты же на гитаре играешь?

– С чего ты взял? – насторожился Кантор.

– Как же! Все мистралийцы умеют. Независимо от того, барды ли они, – пожал плечами шут.

– Где ты слышал такую ерунду? Многие, но не все. Я вообще считаю, что каждый должен заниматься своим делом. А бард без Огня – это надругательство над искусством.

– Вроде стихов Элмара? – развеселился королевский шут.

– У Элмара как раз есть едва заметный Огонь, – возразил Кантор. – Совсем слабенький, но все же есть. И стихи его не столь ужасны, как говорят, а просто посредственны. Вдохновения у него хоть отбавляй, а таланта небо не дало, вот и не выходит ничего толкового. Хотя, между прочим, вполне возможно, что из него бы получился сказитель. Не первого сорта, конечно, но лучше, чем поэт. Он красиво рассказывает. Правда, тогда его высочество был до смерти пьян, может, трезвый он так не умеет...

– Это в воскресенье? – посерьезнел Жак. – Диего, ты знаешь... Ты никому об этом не говорил?

– Нет, конечно. А что, он проспался и пожалел, что рассказал?

– А ты бы не пожалел? Я не знаю точно, о чем он тебе разболтал, но догадываюсь.

– Пусть не переживает. Я его очень хорошо понимаю. И уж конечно не собираюсь ни с кем обсуждать его откровения.

– Сам ему и скажи. А то, если скажу я, получится, что ты

их со мной уже обсуждал. А какими судьбами ты вернулся сегодня? Собирался же в пятницу?

– Кое-что сделать нужно в городе, – уклончиво пояснил Кантор.

– Убить кого-то? – поинтересовался Жак. Этак нехорошо поинтересовался, коварно и ехидно. Не любит господин королевский шут крови и насилия. И боится. Когда в своем уме.

– Почему сразу – убить? Я этим давно не занимаюсь. У меня совсем другие дела.

– Очень секретные, – подхватил Жак.

– Разумеется, – кратко ответил мистралиец и перевел разговор на другую тему. – А как поживает ваш король?

– Лежит и страдает, – ответил Жак. – Мэтр ему курить запретил, даже трубку спрятал. А все, кто ходит его навестить, потихоньку таскают курево. Флавиус обнаглел настолько, что приволок хинский опиум и порекомендовал как лучшее обезболивающее. Сегодня я имел честь видеть, как мэтр костерил главу департамента на чем свет стоит, а его прибалдевшее величество наблюдал эту картину и необычайно веселился. Надо будет спросить, не видел ли он опять розовых слонов.

– А чего это ваш мэтр с таким предубеждением относится к подобным вещам? – удивился Кантор. – Он что, будто не знает, из чего делаются болеутоляющие зелья? Или считает, что заклинания безвреднее, и принципиально не пользуется

зельями?

– Не знаю, я не специалист. Зелья, заклинания, травки-муравки... Не разбираюсь я в этом.

– Жак, – поинтересовалась Ольга. – Расскажи, как мэтр Флавиуса ругал. Интересно.

– А то ты сама не представляешь? Так же, как он короля ругает, только немного сильнее. Негодует, воздевает руки и толкует о падении нравов. А Флавиус молча стоит и вежливо улыбается. Дескать, кричите-кричите, уважаемый мэтр, я вас внимательно выслушаю и все равно сделаю по-своему.

Кантор представил эту картину, но смешной она ему не показалась. Все, что касалось господина Флавиуса, ни в коем случае не могло его рассмешить. А Жак, значит, уже ходил в гости к его величеству. Ненадолго же хватило его обиды... или Тереза убедила, что по-христиански людей следует прощать?

– А ты меня с собой не возьмешь в следующий раз? – продолжала Ольга. – Я тоже хотела короля навестить. Или сейчас ему не до того?

– Не знаю... Ты бы подождала еще пару дней, пока он толком оклемается. А то его величество стесняться изволит. Ему действительно больно, а он к этому не привык, сроду же ничем не болел... А ночью, когда он спит под действием заклинания, ходить с визитами как-то невежливо. Давай в пятницу пойдем, ладно?

– Хорошо, – согласилась девушка, и Кантор понял, что

визит к его величеству можно смело отбросить. Если, конечно, до пятницы ничего умнее не придумается.

– А как поживает ваш принц? – спросил он, пытаясь прощупать почву с другой стороны.

– Мафей? – усмехнулся Жак, старательно обрезая кочерыжку. – Нормально. Ты зачем ребенку уши надрал? Знаешь, как он расстроился!

– А представляешь, как расстроился я, когда в самый разгар веселья почувствовал, что на меня кто-то магически пялится!

– Еще и материться научил, воспитатель хренов!

– Ничего, в жизни пригодится. А что, он раньше не умел?

– Так не умел. Где ты слов-то таких нахватался?

– У знакомых бардов, – усмехнулся Кантор. – А ты тоже такого никогда не слыхал?

– Доводилось, – Жак с хрустом вгрызся в кочерыжку и продолжил: – Но когда я это услышал от Мафея, даже у меня уши повяли. У тебя других слов не нашлось, педагог?

– На тот момент – не нашлось. Он на меня разобиделся?

– Да нет, знаешь ли, Мафей проявил поразительное благородство в этом вопросе. Он тебе даже где-то благодарен. За то, что просветил, за то, что спас, за расширение словарного запаса и еще за то, что заставил задуматься о важных вещах.

– Это о чем?

– А кто ребенка обозвал инфантильным лопухом? Вот об этом он и задумался.

– И к какому выводу пришел?

– Что ему надо срочно учиться боевой магии, а то каждый наглый воин будет драть его за уши. Кстати, ты здесь долго пробудешь? Он хотел с тобой поговорить... Поболтать кое о чем. Не бойся, боевой магии он еще не научился.

– Я бы с удовольствием сходил к нему в гости, – подбросил идею Кантор.

– И я! – с энтузиазмом откликнулась Ольга, поднимая крышку кастрюли. – Можно даже его на борщ позвать, только надо, чтобы кто-то во дворец сбежал.

– Вообще-то ходить к нему нежелательно, – задумчиво заметил Жак. – Я имею в виду тебе, Ольга. У него там посреди комнаты иллюзия стоит вместо стола, а ты же сквозь нее ходить начнешь. Еще мэтр заметит...

– А стол куда делся? – удивилась Ольга.

– Сломался нечаянно, – развел руками Жак, подражая беспомощным оправданиям шкодливого эльфа.

– И его в ремонт отдали?

– Да ты что, какой ремонт! Мы его спалили потихоньку у меня в камине, заказали такой же, чтобы заменить, и теперь ждем. А в комнате стоит иллюзия.

– А ты сквозь нее не ходишь? – спросила Ольга.

– Я же знаю точно, где она стоит. Но все равно стараюсь к Мафею не заходить, чтобы ненароком не наступить. Да и немного боязно оказаться рядом в тот момент, когда мэтр все-таки заметит, что стол не настоящий. Попадет и мне за

компанию.

– Я могу сбегать, – предложил Кантор. – Только меня во дворец не пустят.

– Давай так, – предложил Жак. – Во дворец я сбегаяю сам, а ты сходи к Элмару. А то как-то нехорошо получается, Мафея на борщ зовут, а его нет.

– Тогда и Терезу зовите, – напомнила хозяйка, поспешно заглядывая в кухонный шкаф. – И купите еще хлеба, сметаны, и... не знаю, пожрать чего-нибудь, а то Элмару будет мало.

– Давай, я плютов куплю, – предложил Кантор, понимая, что и второй вариант на сегодня пролетает, так что можно не торопиться и спокойно провести время в приятной компании. А насчет дворца лучше все-таки договориться с Мафеем.

– Ну и чудненько, – согласился Жак. – Я тоже чего-нибудь притащу. А Тереза на работе. Ты, дорогая подруга, уже успела забыть, что некоторым людям свойственно ходить на работу? Еще и двух недель не прошло, как тебя уволили, а ты уже совсем расслабилась?

– А мне нравится, – засмеялась Ольга. – Тем более, в библиотеку я, пожалуй, не вернусь. Денег у меня и без жалованья хватает, займусь литературным творчеством. Кстати, о творчестве. Если будем что-то пить, то тоже купите. А то опять-таки, того, что у меня есть, на Элмара не хватит.

– Вот пусть его высочество сам и захватит что-нибудь из

своих погребов, – посоветовал Жак. – Диего, сделаем так: ты иди к Элмару и жди там, а мы с Мафеем за вами зайдем и телепортом отправимся к Ольге.

– Только сначала на рынок, – напомнил Кантор.

– Само собой. Купим плютов, сметаны и хлеба, ты возмешь все это добро к Элмару, а я во дворец.

– Почему это все возьму я? – возмутился мистралиец.

– А что, по-твоему, я должен заявиться во дворец с корзинойдохлых ящеров и с горшком сметаны в руках? Чтобы все обхохотались?

– Так у тебя же работа такая, – невозмутимо парировал Кантор.

– У меня работа – развлекать короля, а не стражу на воротах.

– Идите уже! – засмеялась Ольга. – А то и борщ остынет, пока вы спорите!

– Что ж, – вздохнул Кантор после того, как Мафей рассказал ему о своем сне. – Спасибо, что предупредил. Постараюсь как-нибудь выкрутиться... если получится.

– Может быть, – серьезно кивнул эльф, не отрывая глаз от листа бумаги, который он самозабвенно марал углем, время от времени поглядывая на собеседника. – Мэтр Истран говорил, что мои сны не предвещают смерти. Они предупреждают... о неприятностях.

– Особо крупных, – проворчал мистралиец. – Дался всем им этот Амарго!

– То есть? – не понял принц.

– Когда меня пытали в прошлый раз, спрашивали то же самое, – неохотно пояснил Кантор и чуть приподнялся, пытаясь заглянуть в рисунок.

– Не вставай, – попросил Мафей. – И поменьше мимики, если можно... А что, с тобой такое уже было? Может, я видел не будущее, а прошлое?

– Ну ни хрена себе! Сначала говоришь такие вещи, а потом – «поменьше мимики»! Жаку б такое сказал, он бы во все в обморок упал... Нет, в прошлом было не так. Это точно будущее. Весьма неприятное, должен признаться. Но все равно спасибо.

– Не за что, – вздохнул эльф и критически оглядел свои художества. – Поверни голову чуть-чуть вправо.

– Ты скоро закончишь? – поинтересовался Кантор. – Мне уже надоело сидеть. Я курить хочу. Почему тебе вдруг припичило меня рисовать?

– Не знаю, – пожал плечами принц. – Иногда мне просто хочется сделать это. Потерпи немножко. Я скоро закончу. Кстати, помнишь, ты мне рассказывал про своего знакомого... ну, который как я?

– И что?

– А он курит?

– Да. А тебе-то что?

– Просто хотел узнать, не опасно ли это для эльфов.

– Что, срочно решил закурить? Думаешь, ты от этого по-

взрослеешь? Лучше сначала научись колдовать не ломая мебель. А курить тебе еще рано.

Мафей покосился на стол и вздохнул. Кантор тоже полюбовался на творение вредного эльфа и подумал, что, если б его не предупредили заранее, он ни за что бы не догадался, что это иллюзия. Интересно, как это Ольга и Жак их не видят? Бывает же...

– А во сколько лет ты сам начал курить? – поинтересовался Мафей как бы между прочим.

– В двадцать пять, – усмехнулся Кантор. – Хотел меня уесть? Не выйдет.

– Ну что ж, – философски согласился принц. – Не все же время должно получаться. Зато Шеллара я на этом уел. Он закурил в двенадцать. А еще говорят, если рано начать курить, то не вырастешь... Не смейся, пожалуйста. Сделай лицо, как было. И не улыбайся.

– А ты нарисуй, как я улыбаюсь.

– Не хочу. Ты как-то не так улыбаешься. Словно улыбка не твоя. Кстати, что означает то, что видит в тебе Азиль? Мертвые пятна и перерезанное горло?

«Спасибо, хоть про черную паутину не спросил!» – подумал Кантор и вдруг с ужасом понял, что, в отличие от всех остальных, маленький эльф не спросил про эту самую паутину не потому, что щадил его самолюбие, а просто потому, что мертвые пятна его интересовали больше. И вполне может спросить, если вдруг заинтересуется. Эльфы к этим ве-

щам относятся проще и легче, и мальчишка просто не поймет, почему для мистралийца это так страшно... Надо срочно переводить разговор на что-то другое... Или подольше порассуждать о мертвых пятнах, может отвлечется...

– Кстати, а где именно находятся эти самые пятна? – ответил он.

– Правая половина лица, – охотно стал перечислять Мафей, пристально прищурившись. – Нос, губы... Кисть правой руки... две полосы на спине и несколько пятен помельче на груди и животе.

– А-а, – понимающе кивнул Кантор. – Это те места, где по идее должны были остаться шрамы, но их почему-то нет. Я сам не знаю, кто и где меня лечил, если ты хочешь об этом спросить.

– А горло? – не отставал любопытный эльф. – И пустой очаг?

– Послушай, Мафей, – поспешно перебил его мистралиец. – Оно тебе надо? Лучше расскажи, что ты такое сделал со столом? Боевые заклинания отрабатывал?

– Да нет, он просто случайно под руку попал. Ты не хочешь говорить о себе? Это какая-то тайна, или тебе просто неприятно?

– И то, и другое. Так что давай эту тему замнем и посмотрим, что же ты нарисовал.

– Еще чуть-чуть подожди. Я почти закончил... А правда, что от Огня можно сгореть?

– Правда. Но для эльфов это не страшно. У них практически у всех есть Огонь, и ни один не сгорел, так что можешь не переживать, тем более, у тебя его – кот наплакал. Ты рисуешь, потому что боишься перегореть, или тебе просто нравится?

– Просто нравится. А твой знакомый... у него тоже есть Огонь?

– Конечно. И пользоваться им он начал только после двадцати пяти, а до тех пор ничего с ним не случилось. Я имею в виду, никаких депрессий, психозов и прочих прелестей, которые случаются с людьми. Так что и с тобой ничего не случится, если ты не будешь рисовать.

– А он тоже рисует?

– Он пишет стихи. И еще песни, но музыкант он хреновый, это у него не всерьез, а так, для себя... и своих дам. Кстати, как у тебя дела на этом поприще? Сдвиги есть, или по-прежнему подглядываешь за придворными? Интересно, за королем ты тоже подглядывал?

– А вот это не твое дело! – с детским злорадством ответил принц и показал язык, как девчонка. – И вообще, каких это сдвигов ты ожидаешь за три дня?

– Ха! Это делается быстрее, чем за три дня! Хочешь, я тебе помогу найти подружку?

– Не хочу, – нахмурился Мафей. – Может, я и лопух в некоторых вещах, но не настолько, чтобы мне еще и подружку добрый дядя подбирал.

«Облом, – подумал Кантор. – С этой идеей тоже можно смело расстаться. Впрочем, не жалко. Не особо порядочная была идея».

«Вот именно, – сказал вдруг внутренний голос. – Нечего врать мальчишке. Ты что, забыл, что он эльф? Он бы тебя вмиг раскусил. Да и парнишка хороший, тебе и самому не хочется его обманывать. Лучше познакомь его с товарищем Пассионарио, и никаких проблем».

«Ничего себе, никаких проблем, – возмутился Кантор. – Да если кто узнает...»

«А кто узнает, – не унимался пакостный голос. – Никто не узнает. А им обоим будет приятно. И полезно. Может, Мафей нашего горе-волшебника научит телепортироваться куда надо, а не куда попало».

«Отстань, – рассердился Кантор. – А как же конспирация?»

«А конспирацию – в задницу, – деловито посоветовал голос. – Она вообще в чрезмерных количествах вредна».

«А пошел бы ты... – огрызнулся Кантор. – Скажи это Амарго».

«Ах, ты просто боишься начальства, – засмеялся голос. – Ну так бы и сказал».

– Диего, что с тобой? – удивился Мафей. – Такое впечатление, что ты с кем-то телепатически общаешься. Ты что, еще и телепат помимо всего?

– Какой там телепат, к хренам собачьим! – выругался Кан-

тор. – У меня раздвоение личности, и эти две личности постоянно спорят.

– А из-за чего вы ругались на этот раз? – тут же спросил эльф.

Принц даже не подумал принять такое объяснение за шутку, как сделал бы любой из знакомых Кантора.

– Из-за моего приятеля, – честно пояснил мистралиец. – Мой внутренний голос настаивает, чтобы я вас познакомил, я ему пытаюсь объяснить, что это опасно... А он не слушает. Он вечно мне что-то неподобающее советует.

– Что, например? – заинтересовался Мафей. Даже рисунок свой отложил, сел на спинку стула и наострил уши.

– Например... Он насоветовал мне потрахаться с Ольгой, после чего мы с ней вместе в больницу и попали. Нашел, кого послушать... Потом советовал утром не уходить, а я не послушался... а надо было. Потом еще советовал... да не просто советовал, а требовал, чтобы я с Ольгой связался всерьез.

– И ты послушал.

– Да мне, в общем, и самому этого хотелось. Еще мы с ним часто просто так препираемся, обсуждая разные события.

– Знаешь, – серьезно сказал Мафей. – А по-моему, этот голос тебе правильно советует. Ты бы его чаще слушался.

– Еще чего! Ты просто с ним не общался! Он безответственный, сексуально озабоченный, бесстыжий и ужасно ехидный засранец... Кстати, о засранцах. Ты, если выучил новых матюков, не беги сразу старшим хвастаться и расска-

зывать, где их услышал. А то Жак сегодня на эту тему высказал свое неодобрение.

– А ты не ругай детей такими словами! – развеселился принц. – А то как в зеркало посмотреть – так нехорошо, а как обложить в семь этажей – так нормально.

– А как ты это делаешь? – спросил Кантор, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Что? Настраиваю зеркала? Очень просто. Хочешь научиться?

– Я вряд ли смогу... Это же классическая магия?

– Классическая, – кивнул Мафей. – А что, она тебе недоступна?

– Даже опасна. Мне просто интересно, как это делаешь ты. Покажи что-нибудь, а? Только без политики и без государственных тайн, а то мне еще шпионаж пришьют. Вот, к примеру, ваших придворных дам покажи. Мне интересно, какие они у вас... кроме Камиллы. Кстати, где король эту Камиллу нашел?

– Она ему досталась в наследство от моего папы, – легко объяснил Мафей. – А папа подцепил ее в каком-то борделе в Лютении. Это Шеллар как-то говорил Элмару, когда тот его спрашивал. Давно уже, еще папа был жив. Шеллар ужасно возмущался и говорил, что не понимает, как можно тащить во дворец шлюх, когда у тебя такая прекрасная молодая жена.

– А потом, когда сам попробовал, сразу понял? – развесе-

лился Кантор, представив себе короля Шеллара с Камиллой. Не очень получалось, так как он плохо знал короля, но, вне всякого сомнения, это должно было быть очень смешно.

– У Шеллара же нет жены, – пожал плечами принц. – А откуда ты знаешь Камиллу?

– Оттуда, – усмехнулся мистралиец. – Частенько бывал в том самом борделе, где твой папа ее подцепил. Дорогое было заведение, пожалуй, самое дорогое в Лютеции, однако туда не только блудливые короли заходили. Ну что, покажешь?

– Пожалуйста, – Мафей спрыгнул со стула и подошел к зеркалу. – Только зачем они тебе, наши дамы?

– Да не они сами, в общем-то, – честно признался Кантор, – а их комнаты. Где-то у ваших дам должен прятаться мой знакомый, о котором я тебе рассказывал. Так что, если он окажется там, я вас познакомлю. А если нет... даже не знаю, где тогда его искать.

– Зачем ты его ищешь?

– А он пропал.

– Как пропал?

– А вот так. Телепортировался не понять куда. Мы теперь все очень переживаем, потому что он телепортироваться толком не умеет, и мог угодить в неприятности.

– А почему тогда мы его будем искать у наших дам?

– Потому, что одна из них его любовница, только не знаю, какая именно. Надеюсь, он все-таки не потерялся, а просто у нее застрял. Ну что, давай?

Мафей поколдовал над зеркалом, и в нем возникло изображение пустой комнаты.

– Это покои Вероники, – пояснил он. – Пусто. Ее дома нет. Смотрим дальше?

– Давай.

В следующей комнате сидели две молодые девушки лет по восемнадцать. Одна словно соскочила со страниц любовного романа – изящная, женственная и какая-то романтическая. Вторая – приземистая, крепко сбитая, больше похожая на симпатичную купеческую дочь, чем на аристократку.

– Это Акрилла и Вероника, – шепотом пояснил Мафей, прислушиваясь к разговору юных дам, поскольку они только что произнесли его имя.

– Да ну, он еще сопливый совсем, – критично высказалась Вероника, вертясь перед зеркалом. – Что-то не нравится мне эта помада, я с ней выгляжу, как крестьянка в праздник.

– Ты худеть не пробовала? – усмехнулась Акрилла. – А чем тебе не нравится, что он такой молодой? Зато симпатичный. Вот с ним бы я, пожалуй, и не отказалась.

– Всю жизнь только тем и занимаюсь, что худею, – засмеялась ее подруга. – И результат сама видишь. Слушай, Акрилла, а у тебя уже были мужчины?

– Нет, – смутившись, призналась девушка. – У меня очень строгие родители... А здесь я еще ни с кем настолько близко не познакомилась.

– Вот была бы потеха на вас с Мафеем посмотреть! – за-

хихикала Вероника. – Представляю, какая это, должно быть, юмора – два девственника пытаются понять, что друг с другом делать! Ты бы сначала с кем-то другим научилась, что ли.

– Ты так говоришь, будто мы действительно уже собрались и договорились! – обиделась Акрилла. – Я же теоретически. Если бы он предложил. Но он же не собирается предлагать.

– И не соберется, если ты будешь все время прятаться в своей комнате. Ты чего так мало по дворцу ходишь, с людьми не общаешься?

– Боюсь, что меня король увидит.

– Вот трусиха, нашла, чего бояться! Что он тебе сделает, король-то? Съест, что ли?

– А вдруг я ему понравлюсь?

– Ну и что? Вон, старшие дамы только и мечтают о том, чтобы ему понравиться. А ему нравится только Камилла, да и то изредка. Вот представь себе – он тебя увидит, влюбится с первого взгляда и предложит руку и сердце... – Вероника захихикала.

– Вот именно. Сама же смеешься. Не руку и сердце, а свое большое и толстое... как это Камилла говорит – осадное бревно?

– Подумаешь! А тебе что, не интересно потрахаться с мужчиной, у которого большой и толстый? Или боишься, что порвет на лоскуточки?

– Нет, я его вообще боюсь. Он какой-то... страшный. Как сказочный злодей.

– Меньше надо сказки читать. Вовсе он не страшный, а смешной. Я представляю, как он забавно выглядит со стороны, когда трахается... Умора! А Селия еще поперлась смотреть, дура старая... А вот эта помада тебе как?

– А с этой ты похожа на шлюху. Попробуй что-нибудь посветлее. А у тебя мужчины были?

– Были, – гордо заявила Вероника. – Целых два. Я даже рассмотрела, как выглядит их пресловутое мужское достоинство, хотя было темно. Интересно, а у эльфов такие же, как у людей, или другие? Попробовать раскрутить его высокочество, что ли? Хоть он и сопляк, а все же любопытно...

– Вот тебе! – не удержался Мафей и показал зеркалу кулак. – Не дожدهшься!

– Убирай их к демонам, – простонал Кантор, давясь от смеха. – А то у тебя уже уши малинового цвета, а если еще послушаешь, так вообще в трубочку свернутся. Ты что, никогда не слышал, как о нас говорят женщины?

– Как-то не случилось, – признался принц, прикрыв уши ладонями, видно, хотел проверить, не свернулись ли еще. – А ты слышал?

– Я часто слышу разговоры, не предназначенные для моих ушей. У меня очень тонкий слух. Должен тебе заметить, что женщины обожают обсуждать нас, когда мы не слышим. Кстати, если тебе интересно мое мнение, можешь смело тра-

хоть Акриллу. Глубокоумные рассуждения ее подружки насчет двух девственников – полная ерунда. Разберетесь. Давай смотреть дальше.

– Это комната Селии, – пояснил Мафей, когда в зеркале проявилось новое изображение. У Селии сидела Камилла, любовно облизывая леденец, и с усмешкой слушала рассказ о какой-то оргии в королевских апартаментах. – Будем слушать?

– Ну их на хрен. Давай дальше.

– А это комната Эльвиры... Ой, а это кто?

– Вот это он и есть, – облегченно вздохнул Кантор, узрев знакомое лицо вождя и идеолога. Пропавший товарищ сидел за столом и уныло пялился в пространство, между делом наворачивая варенье столовой ложкой.

– Он? – Мафей чуть не влез в зеркало, присматриваясь. – Совершенно не похож на эльфа.

– Конечно не похож. Иначе о нем бы все знали, как и о тебе. Вообще, полуэльфы редко бывают настолько похожи на чистокровных эльфов, как ты. У твоей мамы тоже, наверное, были эльфы в роду, вот и получилась редкая комбинация генов...

– Я знаю, – кивнул принц. – Мне мэтр Истран объяснял. Ну так что, пойдём знакомиться? Ты же обещал.

– Телепортом или пешком?

– Пешком, конечно. Я никогда не был в комнате у Эльвиры.

– А это имеет значение? Как-то неловко мне по дворцу слоняться...

– Ты же со мной. А иначе никак не получится. Маг может телепортироваться только туда, где он был, и если он хорошо помнит это место. Есть особые ориентиры... но тебе это, наверное, будет непонятно.

– А когда ты там побываешь, то сможешь?

– Смогу. А тебе зачем?

– Да я вот о чем... Я-то вас познакомлю, но мне надо будет с этим товарищем переговорить наедине. Ты мог бы нас оставить на время, а потом вернуться? И, разумеется, не подслушивать наш разговор в зеркале. Это действительно тайна.

– Хорошо, – согласился Мафей. – Если хотите, я вас перенесу в одно место, где никто не подслушает. А долго вы там будете?

– Думаю, для верности около часу. Да, Мафей, прежде чем вы познакомитесь, пообещай мне две вещи.

– Не говорить никому? Конечно, что я, маленький, не понимаю? А еще что?

– Не заглядывать в него. Ты можешь увидеть там... лишнее.

– Постараюсь, – вздохнул Мафей. – Специально не буду заглядывать. Но иногда это видится само.

– Да, чуть не забыл. Рисунок-то покажи.

– Потом. Я хочу нарисовать портрет твоего внутреннего голоса, а потом оба отдам. Сравнишь.

– Портрет голоса? – засмеялся Кантор. – Это как?

– Как я его вижу.

– А ты его видишь? Голос?

– Конечно. Я вижу, что в тебе живут как бы два человека.

Причем обычно они мирно уживаются, и спорить вы начинаете только тогда, когда резко расходитесь во мнениях. А отличаетесь вы не очень сильно. Ты жестче и серьезнее, он человечнее и легкомысленнее, но, в общем вы – один и тот же человек.

– Если ты так здорово все видишь, – не удержался Кантор, – скажи, что это за свет у твоего кузена-короля?

– Не знаю, – вздохнул Мафей. – Видеть-то я его вижу, но что это такое – не знаю.

– И Азиль не знает?

– А она его вообще не видит. Зато она видит сферу, которую остальным не разглядеть за этим светом.

– Ту самую, что по ее словам, погубит бедного короля, если он от нее не избавится?

– Да, она так говорит, – опечалился Мафей. – а Шеллар не согласен. Он считает, что Азиль ошибается. Разве нимфа может ошибаться?

– Может, – пожал плечами Кантор, – но не Шеллару об этом судить. Будто он лучше Азиль разбирается в ее видениях! Ладно, пойдем, а то наш товарищ сейчас доест все варенье и снова смоемся...

– Куртку надень, – посоветовал Мафей. – Там, куда я вас

отведу, прохладно.

– А куда именно?

– На смотровую площадку Центральной башни. Там никто никогда не бывает, лестница на нее вообще закрыта. Я там часто сижу. Мне нравится. Высоко, красиво, никого нет...

– А нас никто не заметит?

– Меня же ни разу не увидели. Там зубцы есть, и за ними не видно. Да и высоко слишком.

Глава 4

*– Ну а теперь пора немного поразвлечься, –
сказал Карлсон минутку спустя. – Давай побегаем по
крышам и там уж сообразим, чем заняться.
А. Линдгрен*

На вершине башни было действительно высоко, красиво и безлюдно. И еще довольно прохладно.

– Я тебя слушаю, – с печальной покорностью в голосе сказал товарищ Пассионарио, взирая на роскошный закат. – Что от меня опять хочет Амарго? Это же он тебя прислал?

– Он, – честно признался Кантор. – Хочет, чтобы вы вернулись. Не знаю, что у вас там за конфликт вышел...

– Знаешь... – перебил его собеседник, не отрывая глаз от кроваво-красного солнца, утопающего в ярких облаках. – Наверняка он тебе сказал, раз уж посредником снарядил. И чего ради ты со мной на «вы»? Мы же одни. Когда ты ломал подставку от пюпитра на моей спине, таким почтением не страдал.

– Тогда ты был моим учеником, – усмехнулся «посредник». – И нагло слямзил у меня тему, не потрудившись даже переделать. А сейчас ты вроде как мой начальник.

– Вот именно – вроде как. Брось эти придворные церемонии. Можно подумать, ты действительно меня настолько уважаешь, чтобы обращаться ко мне на «вы».

– Ну, как хочешь, – не стал ломаться Кантор. – Амарго мне сказал в общих чертах, что у вас было, но это же не значит, что я теперь все знаю. Может, сам объяснишь? Только скажи сразу, ты просто психанул или решил нас совсем бросить?

– Не знаю, – вздохнул непутевый лидер и опустил глаза. – Сначала просто психанул, а потом посидел, подумал... На кой оно мне надо? Мы это все уже проходили как-то с другой партией. Ах, вы нужны отечеству, вы непременно должны править страной, без вас тут все пропадет... Вы так молоды и неопытны, но пусть вас это не смущает, мы не оставим вас, мы вам будем все рассказывать и подсказывать... То есть будешь, парень, сидеть на своем троне и кивать, как идиот, на все, что мы скажем. Тогда я еще был молодой и горячий, сразу всем в морды плюнул... и получил неприятностей на десять лет вперед. Но ни разу не пожалел, что не согласился тогда. А сейчас вот думаю... Ведь в очередной раз на ту же задницу сел. Опять пришло к тому же самому. Снова получается, я всем нужен, без меня все рухнет, я не смею рисковать своей бесценной жизнью, поскольку она уже вроде мне и не принадлежит, а является народным достоянием... И еще оказывается, что я безответственный придурок, которому даже пару мышей нельзя доверять, не то что страну. То есть, опять-таки, поскольку я такой полный болван, добрый дядя Амарго будет мне рассказывать и показывать, а я должен кивать и соглашаться.

– И ты снова собрался в морду плюнуть?

– Теперь я понимаю, что это дурной тон. Я просто больше не вернусь. Пропал и пропал. В гробу я видал это все. Да, я не способен руководить, я безответственный раздолбай, я бард да еще полуэльф к тому же и мне нельзя доверять командование людьми. Так и не надо, просил я об этом, что ли? Товарищ Амарго сам меня на это уговаривал, и довольно долго. А я парень покладистый, меня убедить – раз плюнуть, вот и согласился сдуру. Теперь жалею. Надо ему наводить порядок – пусть сам садится на трон и правит.

Кантор вздохнул. Трудно убеждать человека, когда знаешь, что он прав.

– А сам, без него, ты сможешь? – все-таки решил попробовать Кантор.

– Не смогу. Потому и не хочу. Зачем он мне нужен, этот пресловутый трон моих предков, если я смогу сидеть на нем только как декорация? Ты бы на моем месте что сделал?

– То же самое, – кивнул Кантор. – Но мать твою так, не через семь же лет!

– Полагаешь, поздно?

– Если хочешь знать мое личное мнение, то никогда не поздно. Просто теперь это получится огромным свинством с твоей стороны. Не по отношению к Амарго лично, а по отношению ко всем, кто пришел под твои знамена, кто поверил тебе, кто готов умереть за твою улыбку. К нам, рядовым бойцам. Ты тут сидишь, варенье лопаешь, а твоя личная охрана

там рыдает вот такими слезами. Втайне, чтобы никто не видел, потому что им запретили распространяться о том, что ты пропал. А что будет, когда узнают все? Ты что, не понимаешь, засранец, они ведь тебя любят! Они тебе верят! А ты всем улыбался семь лет, а теперь тебя вдруг заело самолюбие, и решил всех послать на фиг. Даже мне обидно, хотя я всегда относился к тебе более критично, чем остальные. Я вспоминал, как лупил тебя пюпитром, и после этого мне было сложно воспринимать тебя всерьез... Но, собственно, чего я тебя уговариваю, мне этого не поручали. Сам не маленький. Даже для эльфа.

– А что тебе поручили в таком случае? – Пассионарию усмехнулся и поднял глаза. – Еще раз сломать пюпитр об меня? Или... поработать по специальности?

– Ты что, совсем охренел? По-твоему, если Амарго тебе нахамил, так он уже стал конченым злодеем? Насколько я понял, он хочет с тобой помириться. Просил, чтобы ты с ним встретился и вы поговорили. По-хорошему, без матюков, без крика и прочих конфликтов. И ты все-таки с ним пообщайся, даже если твердо решил уйти. Скажи ему, что ты обо всем этом думаешь и почему уходишь. Только не вздумай проболтаться о том, что я тебя с Мафеем познакомил, он мне за это башку оторвет.

– Что ж ты конспирацию нарушаешь? – усмехнулся вождь и идеолог. – Прямо как я, безответственный и непутевый... А вроде и человек, и не бард. Верно Амарго говорил – все

у нас как-то похоже выходит. У него даже есть навязчивая идея, что мы братья. Что у нас общий папаша, а про эльфа он все наврал.

– И сколько в этом правды? – заинтересовался Кантор.

– Нисколько. Твой папа действительно трахал мою маму, но залетела она от эльфа. Это достоверно, я с этим эльфом лично знаком. Хотя мы все-таки в некотором роде родственники. Мой папа-эльф приходится тебе прадедом, если ты не знал.

– Не знал. Ну надо же! Значит, мой дедушка был раздолбаем вроде тебя?

– Папа говорил, что твой дедушка был еще хуже. Да и сам ты... Вспомни себя до того, как потерял Огонь. Такого раздолбая даже среди эльфов поискать было... А как Мафей в этом отношении?

– Не знаю. Пообщаешься, сам посмотришь. Только смотри, чтобы не засекли. А то его величество Шеллар господин любознательный...

– А он всегда таким был, – улыбнулся Пассионарию. – Я его помню с детства. Абсолютно замороженная физиономия, и на ней потрясающе живые любопытные глаза. Он же тогда не умел даже улыбаться, единственное чувство, которое ему небо дало от рождения – неумное любопытство.

– Где это ты с ним виделся в детстве? – не удержался Кантор. – Насколько я понял, вы принадлежали к разным королевским домам.

– А, так ты это понял? – грустно улыбнулся вождь и идеолог. – Я всегда сомневался, что мне удастся долго сохранять в тайне свое происхождение, и до сих пор не могу понять, как за столько лет никто больше не догадался. Знаешь, многие подозревают, что принц – это ты. Из-за того, что Амарго так трепетно к тебе относится. А насчет Шеллара... видишь ли, у королевских семей, как и у нормальных людей, принято ездить друг к другу в гости. Я со всеми ныне правящими королями знаком. С Шелларом мы вместе играли. Александра помню совсем маленьким карапузом. Зиновий меня как-то посохом огрел, когда мы с Роаной целовались в парке на лавочке. Все-таки девчонка оказалась всерьез равнодушна к эльфам... Элвиса я не любил, он мне казался чопорным и высокомерным. А Луи вообще ко мне приставал с нехорошими намерениями, и мои старшие кузены его очень сильно побили. Вокруг этого даже международный скандал разразился.

– Значит, я правильно догадался, – засмеялся Кантор, – законный наследник престола ты, потому всем так позарез нужен. Лидеры любой партии по яйцу бы себе оторвали, лишь бы тебя заполучить.

– А чего ты смеешься? Так оно и есть. Ты лупил подставкой принца... Хотя, может, это и смешно.

– Я не потому смеюсь. Просто вспомнил, как Гаэтано скандалил, когда ты объявил, что, пока не кончится война, мы все товарищи, никаких титулов и сословий...

– А, это когда он мне сказал, что дождется, пока война кончится, и специально ко мне явится, чтобы я ему поклонился, как всякий простолюдин должен кланяться графу? Помню. Я сам чуть не заржал тогда. Мы потом с Амарго закрылись в штабе и смеялись до истерики, представляя, как перекосит породистую рожу Гаэтано, когда он поймет, кто кому должен кланяться... И он до сих пор на меня за это дуется. Зато догадываешься, почему он тебя терпел со всеми твоими заскоками и припадками?

– Никогда бы не подумал, – признался Кантор. – Кстати, знаешь, кое в чем Амарго прав. Додумался, где со своей дамой встречаться – во дворце! Не мог в городе хату снять? Если у тебя денег нет, я тебе дам, только не мелькай ты в этом дворце. Изловят ведь моментально.

– Дело не в том. Просто эта комната – единственное место, куда я могу безошибочно телепортироваться. Как научусь, найду другое место. Если бы Амарго не орал, как ушибленный, я бы ему это толком объяснил.

– Так что ему передать?

– Я подумаю. Как надумаю, что ему сказать, сам приду.

– Здравствуйте! Он что, должен сидеть здесь, в Ортане, и ждать, пока ты надумаешь?

– Да нет, зачем, я прямо на базу приду.

– А не потеряешься опять?

– Шутишь? Все будет нормально. Спасибо, что ты меня с Мафеем познакомил. Всегда хотел с ним пообщаться.

– Ага, – хихикнул Кантор, – рассказать, как ты в детстве с его матерью целовался и как тебя его дедушка посохом огрел. Познавательно!..

– Все это, конечно, забавно, – вздохнул Пассионарио. – Но вообще-то, если б не весь этот бардак, принцесса Роана была бы моей женой... и, возможно, никакого Мафея на свете и не было. Ты никогда не задумывался, как странно складываются человеческие судьбы и от каких мелочей они порой зависят?

– Неоднократно, – помрачнел Кантор. – Я очень часто думаю о том, как бы было здорово, если бы Патриция в детстве умерла от какой-нибудь скарлатины или оспы... Или если бы ее затрахали насмерть какие-нибудь злодеи.

– А где она сейчас?

– Лежит себе в поморском лесу, там, где ее Саэта уложила. Мы ее даже не закапывали, так, снегом присыпали... А ты что, не знал, что это она и была той самой ведьмой? Ну, даешь... Кстати, о человеческих судьбах. Я слышал, ты предсказаниями балуешься?

– Тебе бы так баловаться! А что, стало интересно собственное будущее? Или что-то надо?

– Да мне тут предсказали такого дерьма, что до сих пор не по себе.

– Кто?

– Мафей. Он видит вещие сны.

– А что именно?

– Будто снова попадусь. Опять допрос. И опять: «Где Амарго?» Дался всем этот Амарго! Ты можешь сказать что-нибудь точнее?

– Не могу. Ты что, думаешь, я просто так – захотел и увидел?

– Твои видения стихийные?

– Не просто стихийные... Чтобы они начались, мне надо довести себя до состояния голодного обморока. Так что все, что я могу сказать о твоём будущем, я видел в момент нашего знакомства. Я тогда как раз пребывал в таком состоянии. И видения были обрывочны и хронологически беспорядочны. Впрочем... у тебя есть дети?

– Ты что, не знаешь, что у меня их вообще не может быть?

– Ну так вот, я их видел. Причем двоих. Значит, пока их не заведешь, не умрешь точно. А что у тебя за проблемы с этим? Тебе правда в Кагель Милагро все поотбивали? Но трахаться тебе это не мешает, насколько я знаю? Может, со временем и дети появятся?

– Да нет, что за ерунду ты говоришь? Это у меня с детства. Я залез в папину лабораторию и пошарил там. А там было что-то или ядовитое, или заколдованное... Откачать откачали, но насчет детей... – он развел руками. – Значит, ты думаешь, это не навсегда? И у меня есть будущее?

– Да, – с улыбкой кивнул Пассионарио. – Я еще кое-что вспомнил... Но говорить не буду. Я вообще стараюсь не говорить людям об их будущем. А то в те времена, когда я го-

лодал и часто видел будущее, раздавал предсказания направо и налево... а людям иногда вредно знать грядущее. Они начинают метаться, делать глупости и всячески усложнять себе жизнь. Причем избежать судьбы, как правило, не удастся. Хотя есть один интересный и поучительный случай, если хочешь, расскажу. О том, как из-за моего предсказания две девочки благополучно разрушили свою судьбу. Интересно? Все равно нам еще Мафея ждать. Только это по секрету, не говори никому. Шестнадцать лет назад болтался я по Крамати в поисках чего бы пожевать. Бреду по улице, неделю не ел, от ветра шатаюсь, в общем, состояние самое то. И тут мне навстречу две девочки. Маленькие, хорошенькие, как куколочки, славные такие... в передничках с кружевами. Школьницы. Я смотрю на них, и тут меня пробивает. Начинаю видеть. Какое-то международное мероприятие, и эти две пигалицы уже взрослые, ни много ни мало, обе королевы. Одна, кажется, в цветах то ли Лондры, то ли Поморья, не рассмотрел точно, зеленое с белым это было, или зеленое с синим. А вторая вообще в чем-то восточном, не то хинском, не то еще экзотичнее. Я не выдержал и подошел к ним. Девочки оказались такие жалостливые, что отдали мне все свои карманные деньги. Сорок медяков. Можно сказать, спасли от голодной смерти. А я им предсказал будущее. И что эти две куколочки сделали? Пошли и сказали родителям. А родители что у одной, что у другой оказались умнее некуда. Папаша одной, вояка непризнанный, посоветовал, как стать короле-

вой – завоевать себе корону. Это девочке! А девица оказалась подходящего склада, и в результате стала воительницей. Какие уж тут принцы и прочие замужества!

– Так, может, просто время не пришло? – предположил Кантор.

– Как же! В моем видении у девушки было нормальное лицо и оба глаза на месте. А сейчас она уже один в битве потеряла. Так это еще ничего. У ее подружки оказалась совершенно чокнутая мама. Она начала срочно выдавать дочурку замуж за принца. Причем то ли маменька страдала патологическим патриотизмом, то ли полным отсутствием фантазии, но нацелилась почему-то на родную ортанскую корону, благо там было аж четыре принца и три из них холостые. А потом, когда случилась вся эта история с Небесными Всадниками, в стране оказался и вовсе холостой король. Само собой, за маминими идеями, девочка свою судьбу где-то пропустила. Не оказалась в нужное время в нужном месте. И в результате попала в постель его величества Шеллара, который отодрал ее, как последнюю шлюху, и через луну отставил и забыл. Ни о каком замужестве и речи теперь быть не могло. Вот так оно, будущее предсказывать.

– Так это ты про свою Эльвиру и ее подругу, которая вместе с Ольгой на дракона ходила? – догадался Кантор. – Вот почему по секрету! Боишься, что возлюбленная тебе за твое предсказание шею намылит?

– Опасаюсь, – признался Пассионарию. – Уж больно она

на судьбу обижена. Как и на маму, и на Шеллара. Вот уж не думал, что он таким станет. Был спокойным, совершенно незлым ребенком... может, работа в разведке его испортила? Или просто озлобился на весь женский род за то, что его не любят?

– А они его действительно не любят?

– Вполне может быть. Он же страшен, как двенадцать демонов. А если его еще и раздеть...

– Не знаю, – пожал плечами Кантор. – Ольге король нравится. По ее рассказам, они прекрасно ладят. Да не так уж он и страшен. Может, твоя Эльвира начала нос воротить, и он на нее обиделся? Кстати, знаешь, кого я здесь встретил? В жизни не догадаешься! Помнишь Камиллу Сахарные Губки?

– Помню, конечно. А где ты ее видел?

– Здесь, во дворце.

– Что она тут делает?

– То же, что и всегда. Только лично его величеству.

– Надо же! Вот как делают карьеру! – рассмеялся Пассионарио. – А он знает?

– Прекрасно знает, и, похоже, ему на это наплевать.

– Да, это у него запросто. Помню, как он в детстве доставал наставника вопросами: «А почему так надо?» Если какое-то правило не было логически мотивировано, Шеллар его не понимал. Хотел бы я с ним сейчас увидеться, посмотреть, какой он... Наверное, здорово изменился. Я слышал, он даже смеяться научился.

– Да, он совершенно нормальный мужик. С приветом немного, но мне понравился.

– Еще бы! Ты сам с большим приветом, вот тебе и люди такие нравятся. А твоя подружка, она тоже... с приветом? Амарго что-то там говорил насчет ненормальной переселенки... Она правда переселенка?

– Абсолютно точно. Переселенка, и с огромным приветом. Я ее обожаю.

– А как она в постели?

– Как тебе сказать... У нее других мужчин не было, я первый, так что... как научу, так и будет. А вообще она совершенно свободна в этом смысле и начисто лишена предрасудков. Ее ни на какие новшества не надо долго уговаривать, все принимает.

– А как у нее насчет «неподобающих поз»?

– Для нее такого понятия нет. А что, у тебя с этим какие-то проблемы?

– Да вот, Эльвира как-то упомянула это выражение... в том смысле, что Шеллар ее... в неподобающих позах... И я теперь ума не приложу, какие же именно она считает неподобающими, чтобы ненароком не предложить и не обидеть. Тебе смешно, а мне уже надоело все время в одной и той же.

– Так спроси у нее, у тебя что, языка нет? Или опять боишься обидеть? Я бы у Жака спросил, но он же меня не так поймет.

– Она эту тему обсуждать не любит. Я имею в виду, коро-

ля. Ей неприятно это вспоминать. Хоть иди и у него самого спрашивай.

– А что... – засмеялся Кантор. – Прикинься привидением... А вот и Мафей.

Маленький эльф вышел из телепорта, огляделся и спросил:

– А почему вы в темноте сидите?

– Просто не заметили, как стемнело, – улыбнулся Пассионарио. – Сделать немного света? Его могут и увидеть.

– Я сам сделаю. На минуточку, чтобы Диего посмотрел рисунки. А потом уберем, чтобы не заметили, – пообещал Мафей и создал небольшой светлячок. Когда на площадке стало более-менее светло, он протянул Кантору два листа. – Вот, смотри.

– А мне можно? – полюбопытствовал потерянный предводитель.

– Можно, – кивнул Кантор, разглядывая свой портрет. Получилось очень похоже, хотя, на его взгляд, слишком сурово. Плотно сжатые губы и строгий холодный взгляд, бесстрашный и безжалостный. Воин.

– Разве я такой? – спросил он, и Мафей ответил:

– Не совсем. Это та из твоих личностей, которую ты считаешь собой, хотя на самом деле ты что-то среднее. А вот это – тот, кого ты называешь «внутренним голосом».

Кантор взглянул на второй лист и тихо обомлел. Это был тоже он, но совсем другой. Отчаянно-веселые глаза с этакой

лихой чертовщинкой, ослепительная улыбка – прежняя, какой она была до того... И длинная челка. Бард.

– Потрясающе! – засмеялся за его спиной товарищ Пассионарио. – Мафей, ты гений. Как ты это рассмотрел?

– А разве ты сам не видишь? – удивился эльф.

– Да я никогда не смотрел. Я-то просто все о нем знаю... Кантор, а ты что молчишь?

– Спрячь его где-нибудь, – хрипло выговорил Кантор, не отводя глаз от рисунка. – Или лучше сожги. Чтобы никто никогда не увидел. И никому не говори.

– Это так важно? – удивился Мафей и погасил шарик. – Хорошо. Не скажу. Давай, спрячу.

– А подари мне, – попросил Пассионарио. – Кантор, можно я их себе возьму? Я никому не покажу, только Амарго.

– Ты что, полный придурок? – рассердился натурщик. – Чтобы Амарго мне яйца оторвал?

– За что?

– За то, что я засветился. Ему же не докажешь, что не виноват... Хотя, впрочем, если ты с ним помиришься, то показывай, потерплю... – Он мрачно ухмыльнулся. – За короля и отечество...

– Разумеется, – пообещал идеолог. – Если не помирюсь, то и показывать не буду. Ну что, пожелать тебе спокойной ночи, или это будет звучать как издевательство?

– Постой, – спохватился Кантор. – Когда ты видел Шеллара, то заглядывал в него?

– Не помню, – пожал плечами Пассионарио. – А что?

– Мне интересно, что же это у него за свет такой.

– Не припоминаю. Может, еще как-нибудь увижу, посмотрю.

– Тогда и тебе спокойной ночи, – усмехнулся Кантор и кивнул Мафею. – Мне к Ольге. А вы общайтесь... господа эльфы.

Ольга поставила на полку последнюю чистую тарелку и с облегчением плюхнулась на табурет.

– Теперь можно и закурить. Терпеть не могу мыть посуду.

– Я догадывался, – усмехнулся Жак, вытирая руки полотенцем. – Потому и остался тебе помочь. А то бы ты ее так и оставила, поскольку хозяйственное настроение у тебя закончилось.

– Закончилось, – согласилась Ольга. – Но посуду я бы все равно помыла. А то даже неудобно, вечно как Диего приходит, у меня в доме полный бардак.

– Да он у тебя всегда, – засмеялся бескорыстный помощник. – Я имею в виду, бардак у тебя всегда, кто бы к тебе ни приходил. В субботу тут у тебя убирался лично его величество.

– Здесь был король? – ужаснулась Ольга, вспомнив, в каком виде оставила квартиру, собираясь на битву. – В этом свинюшнике?

– Ага, – довольно ухмыльнулся Жак. – Они с Элмаром ждали здесь твоего Диего, чтобы с ним потолковать о делах,

и заодно немного прибрали. Его величество сложил в шкаф твои вещички, а его высочество помыл часть посуды. Причем он был страшно возмущен, что король сподвигнул его на такое низменное занятие, и заявил, что в следующий раз возьмет с собой пару слуг.

– Ой, стыдобища... – Ольга представила себе, как его величество с любопытством изучает покрой ее кружевного лифчика, который (это она точно помнила) валялся на столе вместе с чулками.

– Что, вещички были интимного характера? – хихикнул неисправимый насмешник. – Да ладно, что ты, короля не знаешь? Он, наверное, еще и изучил, как они сшиты и из чего сделаны. Ему страшенно понравилось, он даже задумался, как бы ввести это дело в моду среди своих придворных дам. Хотя, впрочем, теперь это уже, наверное, не актуально, раз он женится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.